

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

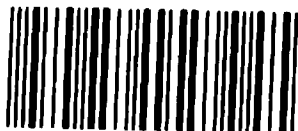
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 октября 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

2007043687

О языческихъ вѣрованіяхъ древнихъ Славянъ писали многіе: одни заботились о подробностяхъ частныхъ, о сближеніи и разъясненіи данныхъ, важныхъ исключительно для древностей Славянъ; другіе отваживались и на общенсторическіе выводы, или разсматривая мифологию Славянскую въ соотношеніи съ мифологіями другихъ народовъ, или посредствомъ сравненій объясняя ихъ взаимно. До нѣкоторой, не очень видной степени, достигали своей цѣли и тѣ и другіе; было впрочемъ болѣе неудачъ, чѣмъ успѣховъ. Изыскатель встрѣчаетъ неразрѣшенныхъ вопросовъ несравненно болѣе, чѣмъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Собрано много фактовъ, но критика успѣла оцѣнить очень немногіе изъ нихъ.

Для объясненія языческаго богослуженія древнихъ Славянъ не сдѣлано и того. Вниманіе обращалось на него только мимоходомъ, по его связи съ вѣрованіями и постоянно ограничивалось въ кругъ свѣдѣній, давно извѣстныхъ. Нѣтъ до сихъ поръ ни одного сочиненія, въ которомъ бы этотъ предметъ разсмотрѣнъ былъ сколько нибудь обстоятельно, нѣтъ даже простаго сборника фактовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что недалеко уже время, когда напрасно будемъ обращаться къ преданіямъ и обычаямъ народнымъ для изученія древнихъ языческихъ обычаевъ и преданій, и когда, слѣдовательно, многое, что требуетъ объясненія въ свидѣтельствахъ современниковъ въ этомъ отношеніи, не будучи отмѣчено въ свою пору, останется на всегда необъясненнымъ. Вотъ что внушило мнѣ смѣлость издать мой изслѣдованія о языческомъ богослуженіи Славянскомъ, соединивши въ нихъ съ современными свидѣтельствами все, что изъ остатковъ языческой обрядности удалось мнѣ замѣтить въ народѣ. Матеріаломъ мною собраннымъ желаю посылить облегчить трудъ мѣстныхъ наблюдателей, и издаю его не столько какъ пособіе для изученія языческаго Славянскаго богослуженія, сколько какъ сборникъ для дополненій и поправокъ: чѣмъ болѣе тѣхъ и другихъ вызоветь моя книга, тѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли.

Во «введеніи» (стр. 1—18) представленъ общій очеркъ языческихъ вѣрованій Славянъ.

Въ «главѣ первой» (19—56) заключаются свѣденія о святилищахъ богослуженія: I о мѣстахъ поклоненія стихійнымъ божествамъ *воды* (19—23) и *огня* (23—26); II. о святилищахъ *горныхъ* (27—28) и *лѣсныхъ* (28—32); III. о *городищахъ* (32—37), и IV. о *храмахъ* (37—47) и *идолопоклонствѣ* (48—56).

Въ «главѣ второй» (57—93) содержатся свѣденія объ обрядахъ богослуженія: I. объ исполнителяхъ обрядовъ, *жрецахъ* (57—61); II. о *поклоненіи* и *молитвахъ* (61—66); III. о *жертвоприношеніяхъ* разнаго рода, т. е. *возношеніяхъ* *благовоніями*, *яствами* и *оружіемъ* (66—71), и *собственныхъ жертвахъ—закланія* (71—75) и *сожженія* (75—76) *животныхъ* и *людей* (76—79); IV. о *гаданіяхъ жребіемъ* (80—83) и *прорицаніяхъ* (82—86); V. о *порядкѣ богослужебнаго обряда* (86—88) и *религіозныхъ пиришествъ* и *играхъ* (89—93), его сопровождавшихъ.

Вездѣ, гдѣ казалось мнѣ позволительнымъ и возможнымъ, прибавляя я къ фактамъ общіе выводы изъ нихъ, и въ концѣ книги (94—96) помѣстивъ, какъ заключеніе, краткій перечень этихъ выводовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

—

ВВЕДЕНІЕ.

—

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы волюнѣ, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ, потому что изучать ихъ мы должны или изъ сказаній иновѣрцевъ, которымъ и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, или изъ преданій народа, мало по малу отставшаго отъ понятій языческихъ, привыкшаго бояться язычества и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ, и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ

главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предполагивъ ограничить эти изслѣдованія однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я оставляю въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мнѣевъ, съ ними соединенныхъ; впрочемъ, долгомъ считаю коснуться вѣрованій въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Несмотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореніе Славянъ язычниковъ съ Христіанствомъ — бореніе, могшее содѣйствовать скорѣе усиленію тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было признаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ на сѣверѣ, какъ было признаваемо ими VI вѣкѣ на югѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшимъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они не повѣдуютъ — говорятъ онъ — единого бога, производителя молніи, господа міра и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совѣтъ не знаютъ и не придаютъ ей никакой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни и, избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писалъ о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія — писалъ онъ — Славяне отличаютъ единого бога на небесахъ, повелѣвающаго другими, прародителя ихъ всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»². Вѣрованіе въ единого, верховнаго Бога выражено въ обоихъ сказаніяхъ ясно; но, сравнивая оба сказанія, выходя въ смыслъ ихъ, не можемъ не видѣть между ними разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Проко-

¹ Прокопій De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ. Chronicon Slavorum. I. 84.

нія видимъ единого Бога, хотъ и безъ яснаго тѣлеснаго образа, по существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ, въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его нуждами и мольбамъ; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, всемогущимъ и невидимымъ господомъ неба, прародителемъ боговъ, далекимъ отъ людей, передавшимъ земную природу божествамъ, ему покорнымъ. Соединить тѣ и другія черты вмѣстѣ, какъ качества одного и того же божества, невозможно: различіе коренное, несомѣстимое. Чѣмъ же объяснить его? тѣмъ ли, что понятія разныхъ Славянъ о верховномъ богѣ были различны? или тѣмъ, что Славяне съ теченіемъ времени измѣнили свое понятіе о верховномъ Богѣ? Едва ли! Напротивъ того, кажется, Проконій въ своемъ очеркѣ смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми Гельмольдъ изображалъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его, Господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что Господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, доказательство тому есть и въ договорѣ Игоря съ Греками; тамъ читаемъ: «И сликъ ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ бога *ни* отъ Перуна».... Да будетъ клятъ отъ Бога *и* отъ Перуна»¹. Замѣчательно, что и Гельмольдъ не совершенно ясно представлялъ себѣ понятіе Славянъ о верховномъ Богѣ: онъ смѣшивалъ его со Святovidомъ. Въ одномъ мѣстѣ называлъ онъ Святovidа Богомъ боговъ (*Deus deorum*), а въ другомъ называлъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святovidу полубогами (*quasi semidei*),² а между тѣмъ, описывалъ Святovidа богомъ, которыйи заботился не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, точно такъ же, какъ описывалъ его Саксо грамматикъ — божествомъ высокимъ, но не высшимъ.³ Нельзя опускать изъ виду этого смѣшиванья Бога боговъ съ Перуномъ и Святovidомъ, по-

¹ *Исторія* по Лаврент. списку. Полн. Собр. Мѣт. I Спб. 1846. стр. 20 и 23.

² *Гельмольдъ*. I, 53. II. 12.

³ *Гельмольдъ*. I, 6, II. 12. и пр. *Саксо грам.* *Historia Danica*. XIV. (rec. P. Müller et I. Welschov. Havn. 1839). 823, 826.

казывающаго, какъ вѣсоко были чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ отдѣльно. Понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе къ понятію о Богѣ Христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они Госнода міра, котораго воля править его судьбами, котораго промысли не допускали, слѣдовательно, никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (príbohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не все одинаково. Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ³; богомъ вѣтровъ почитали Стрибога⁴; богомъ грома и молніи — Перуна⁵; обожали солнце подъ именами Волоса, Хорса-Дажь-

¹ *Коларъ*: Národní Spiewanky Slowakůw. Budin. 1834. I. 422. *Палковичъ*: Böhm. Wörterbuch. Presburg. 1821. II. 1711. «Stary buoh.» II у Шьмцевъ «der alte Gott». (Grimm, 19). У Сербовъ: «стари кървник» (Вукъ, Песме. Ст. изд. II. 244).

² *Свотликъ*, Vocabularium Latino-Serbicum. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ слов: idolum и пр.

³ Смотр. ниже, а также *Касторскую*: Пачертаніе Слав. Мифологіи. СПб. 1841. стр. 130-138, 178-182.

⁴ *Несторъ*, 34. *Слово о Полку Игоръ*. въ Русск. Достоп. II, 62 и 214. *Юшмана* Slownik Ces. IV. 349. *Свишревъ*: Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витеръ — божій духъ» у *Плькевича*: Галиц. Приповѣдки. Виденъ. 1841. стр. 17.

⁵ *Несторъ*: 20, 23, 31, 34, 50. *Слово Христолюбца у Востокова*, Опис. Руссеі Румяниц. Муз. Спб. 1842 стр. 228 и 229. *Вацерадъ* въ Словарѣ у *Шафарика* и *Палацкаго*, Denkmäler der Böhm. Sprache. Prag. 1841. стр. 220. *Коларъ*, ib. I, 67 и 407.

бога, Сварожича, Радагаста, Святовида, Яровита ¹ и пр.; обожали звѣзды и мѣсяць ² вѣроятно такъ же, т. е. и какъ божества, и какъ жилища божествъ. Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество, и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него, или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. Такимъ обоготвореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начали Славяне цѣкъ своего многобожія, все болѣе умножали многи отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число боговъ и число ихъ качествъ и названій, — такъ что наконецъ верховный Богъ представился родоначальникомъ огромной семьи боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была постоянная семья, въ которой члены связаны были узами кровнаго родства, семья боговъ и богинь, родителей и дѣтей. — О богиняхъ Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI вѣка. О нимфахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Прокопій ³. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, находившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой, изображавшій дѣву ⁴. Ибнъ-Фозланъ упоминаетъ о женахъ и дочеряхъ Русскаго бога ⁵. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей хроники о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображеніяхъ богинь въ храмѣ Ретрескомъ ⁶. О служеніи богинямъ читаетъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзин-

¹ Восточъ сказанія объ этомъ у Шармуа, *Rélation de Masoudy etc. Mémoires de l'Acad. de S. Pbg. VI-ème série, II. 319 и 326.* Халкондила у Стриттера, *Memoriae populorum. II. 1061.* Слово Кирилла въ Москвитянинѣ на 1844 годъ. I. 243. Кириллъ Туровскій въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. Стр. 19. Особенное изслѣдованіе москвитянина о сознаніи древними Славянами помѣщено въ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1846 г. № 7.

² *Весифшахъ у Шармуа, ib. 326.* Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьями. Шафарикъ, *Slow. Starozitnosti. Praha. 1837.* Стр. 587. и пр.

³ Прокопій. III 14.

⁴ Масуди. *ib. 340.*

⁵ Френъ, *Jbn Fozlans Berichte S.Pbg. 1823.* Стр. 9.

⁶ Титмаръ *Chronicon. VI. 17, VII. 47.*

на, въ словѣ Христолюбца, у Длугоша и пр. ¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ. Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошь говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлина; Длугошу — Дѣднля, Дѣвана, Маряна, и пр. ² Древнѣйшее изъ сказаній о семейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фодлану: изъ него узнаемъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: Верховнаго Славянскаго Бога представляетъ оно родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ обязанностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ ³. Въ дополненіе къ этому нельзя не вспомнить и отдѣльныхъ мнѣній о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію, отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перува и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страцца—сыномъ Сыгиврата ⁴; въ словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владимира ⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога ⁶; изъ другихъ источниковъ узнаемъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ на его происхожденіи отъ Сварога ⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Сла-

¹ *Длугошь*, Historia. V. 9. *Переводъ Григорія Назіанзина у Кенпена*, Библ. Листы. 1825. N 7. 88. *Слово Христолюбца*. ib. 228

² *Гельмольдъ*. I, 53. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Прокошь*, Chronicon Slavo-Sarm. Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ *Гримма*, Deutsche Mythologie (2 e A.) Gött. 1844. 643.

³ *Гельмольдъ*. I, 84.

⁴ *Вацерадъ* ib. 211, 223, 225.

⁵ *Слово о Полку Игор.* ib. 28, 62, 78, 92 «Погибашеть жизнь Дажь-Божа внука». — «Въстага обила въ силахъ Дажь-Божа внука» СРАВ. «Нѣтъ было пѣснь Игореву, того (Грояна) внуку» — а выше: «Почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владимира». Внукъ—потомокъ: «Ярославе и вси внуци Всеслави».

⁶ *Ипатьев. Лѣт.* въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. Сиб. 1843. II. 5.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. Письмо св. *Бруна* къ Генриху II. (Pertz, Monumenta Germaniae Hanover, 1829. V. 812). *Слово Христолюбца*. ib. 228. СРАВ. Casopis Ces. Mus. 1844 Стр. 486.

вянскихъ боговъ: мало этого для мифолога, но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ семейную связь божествъ у Славянъ существовало и было распространено между ними. Оно соединялось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переломками въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнью каждаго человѣка. Живу считали они богинсю жизни ¹, а Сьитиврата—богомъ времени ². Кромѣ того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. У Болгаръ онѣ называются «орисницами»: двѣ или три изъ нихъ являются къ новорожденному и предсказываютъ будущее ³. Хорутане называютъ ихъ «роженницами» и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженницу, которая предсказываетъ ему судьбу его ⁴. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христороубца: «молятся и роду и рожаницамъ.... беззаконная транеза мѣнимая роду прожаницамъ⁵». Въ Вопросаніяхъ Кирика также читаемъ: «Аже се роду и рожаницѣ крають хлѣбы и сыры и медь?—Бороняше вельми. Шѣгдѣ, рече, молвить: горе шюющимъ рожаницѣ⁶». Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Давида Заточника, духъ или првидѣніе ⁷, а словомъ «роженница» пе-

¹ Прокошь. 113. Длугошь. V. 9.

² Масуди, ib. 320. Видукиндъ, Res gestæ Saxoniar. III. 68. Вацерадъ, ib. 224.

³ Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. Дек. Отд. II. 210.

⁴ С. Вразъ, Glasi iz dubrave Žeravinske. Zagreb 1841. Стр. 118—119.

⁵ Слово Христороубца, id. 229.

⁶ Памят. Слов. XII в. 179.

⁷ Слово Давида Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. Стр. 236. «Дѣти бѣгають рода».

реводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово *τύχη*. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденіакъ», по которой всякій можетъ узнать судьбу своей жизни. Въ извѣстіи «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безумніи люди вѣрующе и волхвуютъ, и ищутъ днѣ рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь»¹. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать», «суженаго копей не объѣдешь», или, какъ выражался Боянъ и Данилъ Заточникъ: «ни хитру, ни горазду суда божія не минути»; Сербы говорятъ: «впередъ божье волѣе никудъ никамо, одъ суденя се не може утечи, и т. д.»² Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ, какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи³. Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ каитою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да није сиротинје не би ни сунце грѣјало». То же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «jas ra ne mal sakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'gotice»⁴. Тутъ же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ — убогими, у Сербовъ — божьяками, у Хорутанъ — богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ;

¹ *Калайдовича*, Іоаннъ Эвз. Болг. М. 1824. Стр. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ів. 202 *Слово Данила Заточ.* ів. 231. Зане не процвѣте часть моя. Повѣдаху ми, яко тои ести судъ Божій надъ мною, и суда де Божія ни хитру уму ни горазду не минути. Судъ ли то Божій, не вѣмъ, княже, едали ты вѣсп. Друзи же мои и ближніи вѣдятъ тое и отвьргошаа мене. Въ печатномъ у Калайдовича это мѣсто пропущено. *В. С. Караджич*, Српске пословице. Цетинь. 1836. Стр. 196, 244.

³ *Краледвор. рцсь.* (4-е изд. Прага). IV: 145, 158. VI: 136.

⁴ *В. С. Караджич*, ів. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долині въ Каринтіи. О ней *Яричъ*, Versuch e. Etymologikous der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. Стр. 202.

вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ¹.

Славяне вѣрили, что боги, и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его молесій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждуть ли ему удачи въ дѣлѣ, или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ, и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ². «Знаменье бо — говоритъ летописецъ — небеси или звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или стеромъ чимъ не благо бывають: ли проявленіе рати, ли гладь, ли смерть проявляютъ»³. У Рушичъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее⁴. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тпѣ⁵. «Овъ кобені пѣтичъ смотрпть, овъ стрѣтениа съмнитъся» — говоритъ переводчикъ Григорія Назіанзіна⁶. «Вѣруемъ — говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ — въ поткы и въ датля, и въ вороуы, и въ синици. Коли гдѣ хощемъ понти, которая переди поиграеть, то станемъ послушающе, правая или лѣваа; ли да не пы поиграеть по нашей мысли, ть мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро пы кажетъ, ркуще окалпни, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что пы на пути зло створитъся, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратхомся, а не безлѣна пы потка си доляно понти, а мы ся не послушахомъ. Аще пы гдѣ будетъ понти, то мы течемъ къ волхвомъ; то вѣруемъ чеху и устряцю; а коли пы будетъ понти на долгій онъ путь, мы послушаемъ поткѣ»⁷.

¹ *Ибизъ-Фоцланъ у Фрсна*, id. 9. *Гельмольдъ*. II, 12. *Сесфридъ*, *Vita S. Ottonis*. 54 (*Acta Sanctorum*. Jul. 1).

² *Масуди*, ib. 319.

³ *Несторъ*, 71.

⁴ *Саксо грамматику*, 827.

⁵ *Титмаръ*; IV, 17. О знаменьяхъ озера Гломачскаго. I. 3.

⁶ *Переводъ Григорія Наз.* ib. 89.

⁷ Слово *Кирилла*. ib. 242-243.

«Се бо не поганьски лѣ живемъ—еще говоритъ лѣтописецъ — аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращаетъ, ли единиць, ли свинью; то не поганьски ли есть? Се бо по дьяволу наученю кобъ сію держать. Друзія же и завыханью вѣрують, еже бывасть на здорověе главѣ» ¹. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичій грай», и пр. ². Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо знахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафля смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планетамъ) глядають, и смотрять дней и часовъ». — Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр. ³. Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такіа книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожай полей, по его вѣрованію, зависѣлъ объ богини жизни Живы ⁴ и отъ бога свѣта и солища Святoviда. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святoviда занималъ Яровитъ: «я богъ твой—говорилъ жрецъ именемъ своего бога,—я покрываю травою поля и листьями лѣса, я оплодотворяю пивы и деревья» ⁵. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, — и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ зем-

¹ *Песторъ*. 73.

² *Кириллъ Туровскій*, ib. 19. *Уставъ Владиміра* въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. 1846. N. 1.

³ *Калайдовича*, Іоанъ Экз. 211-213. *С. Стресса*, Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы. М. 1841. Стр. 125.

⁴ *Вацерадъ*, ib. 217.

⁵ *Сефридъ*. 129.

ныхъ ¹. Подобно земледѣлю, и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стадъ и пастуховъ. Яровитъ заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по моленіямъ Русскихъ купцовъ передъ идолами, и по данн, платимой Святovidу купцами ³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи воспѣваютъ какъ помогли боги Воймиру и Честмиру противъ Власлава, а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «bozi nam uicestuię daiu». Тамъ же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Святovidа, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и коня, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамберскаго—Яровита, а Саксо грамматикъ—Руевита. Книтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошь подъ именемъ Лиды ⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: обѣщая Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не ямутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса ⁶. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человѣка; богами посылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣлоумдріе, и пр. ⁷.

¹ Смотри. Коляльныя пѣсни у Паули (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10. 16 — Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. Стр. 9-10) Колара (Zpiewanku, I. 409), Корытки (Pesme Krain. poroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Несторъ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сефридъ. 129.

³ Ибнъ-Фоцланъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, 6. II, 52.

⁴ Краледвор. рцсь. IV, 204. VI. 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. Histor. Eccl. IV 12. Гельмольдъ. I. 23. II, 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сефридъ, 134. Эббо, 80. Книтлига Сага, 122. (Historia pirat. jomens. Hafn. 1842. Стр. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошь. V. 9.

⁶ Несторъ, 20. 31.

⁷ Гельмольдъ, I, 84. Справ. I, 53. Эббо, 65. Сефридъ. 158. Ипатьев. Лѣт. 5. Книтлига-Сага, 122 (ib. 349 350). Саксо грам. 844.

Все зависѣло отъ боговъ,—и сознаніе ихъ могущества дѣлало человѣка рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ смѣлся познавать и исполнять ихъ; но они были слишкомъ сильны для него,—и онъ иногда унадалъ передъ ними, унадалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудрено, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости ¹. «Прошу тебя — говорилъ князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя предъ ними покорностію; опасуюсь, что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я, кажется, могу ихъ понять пзъ того, что твое Копунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдишь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою» ².

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, и, признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ этдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій,—и послѣдняго называли Чернобогомъ, а перваго, вѣроятно, Бѣлобогомъ» ³. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другій во адѣ» ⁴. Люнебургскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола ⁵. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будишина, есть

¹ *Титмаръ*. VI, 17. *Краледв. рись* VI, 46.

² *Сага Олава Тригвессона*. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).

³ *Гельмольдъ*. I, 53. *Malum deum sua lingua Diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant, — bonum que Belboch (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, искомъ).*

⁴ *Густин. Лѣт* въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.

⁵ *Геншта*, Русскій Словарь Люнебург. нарѣчія подъ слов Schwarz и Teufel.

гора Чернобогъ, и подлѣ нея другая--Бѣлобогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія ¹. Трудно опредѣлить, какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ мифологіи Славянской; ясно, впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властелиномъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ мифологіи Славянской съ мифологіями другихъ сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, одними и тѣми же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ ². Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ Христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода человѣческаго. Какъ бы то ни было, впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугаль и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благодѣтельность божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянскихъ язычннкахъ было тѣмъ сильнѣе, что онѣ вѣрили въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилою: онѣ вѣрили въ безсмертіе душъ, вѣрили, что по смерти ждутъ его или блаженства рая, или кара за неисполненіе воли божествъ. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства, и въ свидѣтельствахъ современниковъ,

¹ *А. Штуръ*, Cesta do Lužic. Časop. Čes. Mus 1839. Стр. 476 477. *К. Прейскеръ*. Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Вилые бои* (лѣсъ и лугъ) находятся у большой дороги отъ Москвы къ Троицѣ, не доѣзжая 15 верстъ, близъ села Городка. На Ревѣ (въ Помераніи), близъ ея устья въ море, былъ островъ съ монастыремъ, называвшимся именемъ *Вилбога*. Codex Pomerniae diplomat. Greifswald. 1843. Стр. 70.

² Edda Sæmundar hins fróða III. Hafn. 1828. 498 и слѣд. *Парбутъ* Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 932-934 и слѣд.

и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Кракедворской рукописи, восхваляющія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Вла-славъ, пораженный Честмиромъ «wstali ne mozesz; Morena ici sipase w noc czrnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w siju zemiu tecie; ai a wiide z rswucei hubi, wiletie na druo, a po druech siemo-tamo doniz mrtew ne zzen». Палъ Людекъ, пораженный Забоемъ: «letie mlat, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista I udiekowa prsi; i ulecie sie duse ticzka mlata; i mlat i dusu uirazi». Битва окончена, много мертвыхъ лежитъ на полѣ, и wiele dus tieka siemo tamo po drsieueh, i ich boie sie ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Юношу-воина застигъ лю-тый врагъ: «wirazi z iunose dusu dusicu; sie uiletie picknim tablim hrdlem, z hrla krasnima rtoma¹. Не менѣ важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1210 года: въ ней сказа-но, что жрецы Поморянъ увѣряли народъ, будто они вп-дять, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходитъ къ другой жизни въ небо². У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Ретрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говорить онъ—имѣеть девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю бо-говъ, и это есть знаменіе, что Стиксъ, пролившійся девять разъ, смиряеть погибшія души язычниковъ»³. По сказанію Длугоша, язычники Поляки молились Нию, чтобы онъ ихъ отвелъ по смер-ти въ лучшія мѣста ада⁴. Есть и другія свидѣтельства, касаю-щіяся, какъ увидимъ, самого состоянія души по смерти тѣла; они будутъ приведены ниже. — Изъ древнихъ обычаевъ Сла-вянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной

¹ *Кракеда. рцъ IV*, 218 224. VI, 161-164, 229 232. X, 17-20. Въ параллель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «изрони жемчужну душу изъ тѣла чрезъ аза-то ожерелье». *Слово о полку Игор.* ib. 180.

² *Мацшевскій, Pamiętniki Słowian.* SPB. 1839. II. 107.

³ *Адамъ Брем. Historia Eccles.* II. 11.

⁴ *Длугошъ.* V, 9.

душѣ, довольно вспомнить о двухъ болѣе важныхъ. У Славянъ язычниковъ былъ обычай сжигать мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещи, но животныхъ и людей, или же погребать съ мертвыми все, что было ими любимо въ жизни. Этотъ обычай предполагаетъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаяхъ праздновать веселье пирь: ихъ бы не могло быть, если бы остававшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни¹.—Что касается до народныхъ преданій, то и въ нихъ найти можно много вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокоиваетъ тѣнь убійца, объ отдѣленіи души отъ тѣла у знахарей и вѣдьмъ, принимающихъ на себя по волѣ различные тѣлесные образы, о душахъ человѣческихъ, заключенныхъ въ деревьяхъ и т. д.

Съ понятіемъ о безсмертіи души неразлучно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами X вѣка. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай². Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обреченной на смерть. «Вонъ, я вижу — говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ все мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ спитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подѣй него вся дружина его и дѣти. Опъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальные обряды: «Мы сжигаемъ—говорилъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»³. По вѣрованію Сла-

¹ Песторъ. 6. Краледвор. рнсв. IV, 22^в. Маврикій, Strategicon XI, 5. (Шафарикъ, Slov. Star. 969). Левъ Диаконъ, Historia. IX, 6. Винфридъ Бонифаций въ письмѣ 72 (Шафарикъ, ib. 843). Титмаръ. VIII, 2. Альберикъ, I, подъ г. 751. Масуди, ib. 314, 317. Димешки, ib. 353. Ибнъ Фоцланъ. ib. 11—21.

² Масуди. ib. 317.

³ Ибнъ-Фоцланъ. 17—21.

вѣтъ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него только посредствомъ мужчины; и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили—говоритъ Масуди—послѣ смерти, и жены его сѣвши обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами¹. То-же понятіе о недоступности рай должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки². Съ вѣрованіемъ въ недоступность рай, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самого значенія этого слова³ и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ рассказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ⁴. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та же участь; что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терять лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ. Послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, давали такую клятву: «Елико ихъ есть нехрещено, да неумутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитател щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій»⁵, если измѣнять слову. Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не сдавались неприятелю, но, вонзая мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ; а цѣлные, при погреб-

¹ Масуди. ів. 317.

² Димешки, ів. 353. . . .

³ Ютманъ, Słownik III. 786. *Liude*, Słownik języka Pol. III. 16-17. Шимкевичъ, Корнесловъ Рус. языка. Сиб. 1843. II. 37.

⁴ Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смолр. Журн. Минис. Пар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

⁵ *Несторъ* 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій».

бениа воинствъ, а можетъ быть и въ другихъ случаяхъ, были убиваемы, вѣроятно, съ мыслию, что они будутъ на томъ свѣтѣ рабами павшихъ въ битвѣ. ¹ Вѣря, что не всѣхъ ожидала на томъ свѣтѣ одна и таже участь, Славяне молили своихъ боговъ устроить се сколько можно лучше; вѣрили, что молитвами другихъ можно искупить себя помилованіе и послѣ посмертнаго искуса, съ этою цѣлію совершали поминовенія усопшихъ, принося по ихъ жертвы в моленья ². Недостойный божескаго прощенія погибалъ, по вѣрованію Славянъ, въ неугасяемомъ огнѣ «пекла». Слово «пекло», какъ остатокъ языческой старины, сохранилось и до сихъ поръ почти во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, и въ давніе вѣки перешло изъ нихъ и къ сосѣднимъ народамъ ³. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане рассказываютъ о провалахъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло назначаютъ пропасть горы Ситна, и злага духа называютъ духомъ пропастей, пропастиникомъ, пропастиникомъ; о пропастяхъ ада говорятъ в преданіи Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ ⁴... Не-

¹ *Левъ Діаконъ*. XI, 6. 8.

² *Адамъ Брем.* II, 11. *Длугошъ*. V. 9. Номинальные обычаи, смѣшавшись съ христіанскими, остаются отчасти и до сихъ поръ.

³ У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, rjekuo); у югозападныхъ—пакко (пакко, паку, и т. д.); у Литовцевъ—pė'ka, у Мадьяръ—pokol.

⁴ *Коларъ*, ib. I, 18, 429. *Его же*, Wyklad ku Slawy dcece. Pest. 1832. 403. *Юнманъ*, ib. III. 682. *Линде*, ib. II. 1120—1121. и др.

Слито ли съ понятіемъ о пеклѣ, или по суевѣрію особенному, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: остатки этого повѣрья безсознательно сохраняются и до сихъ поръ. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгни ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те нити душе твоје!» У нихъ же поговорка: «изгниуо као неврѣрац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти злодѣевъ со смертію животныхъ. У всѣхъ же Славянъ есть заклинанія, чтобы Богъ наказалъ праваго смертію: «Богъ меня убей, бии ты сила божа, niech mie ran B. g zabije, zobu mje boh zabici, да ме бог убије, праваго боже» и пр.: подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежитъ и свидѣтельство Мара (I, 7.) что по вѣрованію Славянъ временная смерть оканчивается все.

смотря, впрочемъ, на эти опасенія Славянскаго язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодати боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ воспоминаетъ Левъ Діаконъ, рассказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи человѣка огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ, столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычниковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самого богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилищъ, и въ той мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилостивить боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны и, опираясь на вѣрованія въ благодать боговъ, вели за собою несмысленнаго ширшества.—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СВЯТИЛИЩА БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ сознавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простые жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Воду почитали Славяне стихіею, изъ которой образовался міръ. Земля, по ихъ понятію, вышла изъ моря: это видно изъ преданій, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ пащада свѣта, втоді не было неба нї земли, неба нї земли, земь сине море». Замѣчательнъ приѣвъ къ этой пѣсни: Подуй же, подуй, Господи, изъ духомъ святымъ по земли!», напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутане, давая морю имя «света вода», рассказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому-то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть тоже подобное преданіе, примѣненное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю; что всѣ огнѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторяет-

¹ Бирцаго, Собраніе колядокъ. № 1. К. Семеновскаго, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. Спб. 1843. Стр. 56.

ся море какъ что-то священное; а клечи и озера, почитаемые священными, можно найти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянамъ, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дунавками, самодивами и пр. ¹. Нельзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава-Стыдливаго и другихъ, въ Чешской писнѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣненскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ книгахъ Оомы Штитнаго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д. ²— Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водѣ соединилось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Проконія: «Славяне—пишеть онъ—обожаютъ рѣки, нѣмѣ и нѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ» ³. Въ свидѣствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Проконіемъ, находимъ: «Овъ рѣкѣ богынѣ нарицаетъ и звѣрь живиць въ нѣси яко Бога нарицаѣ трѣбѣ творити» ⁴. У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплѣтенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуется между

¹ Срав. Шафарика статью въ Čas. Čes. 1833. Стр. 257 и слѣд. Самодивами или самовилами называются русалки у Болгаръ.

² Рус. Правда въ Рус. Достоп. II. 17. Писня о судѣ Любуши въ Denkmäler der Böhm. Spr. 41, 63. Козьма Праж. I. 100—111. Rád Země Česke. § 68. въ Archivé Čes. Палацкаго II. 113. Prawo Zeme Česke. § 150, 155. у Кухарскаго въ Давн. пам. Слов. законод. Варш. 1836. 257. Законникъ Стефана Душана. § 78. у Кухарскаго. 124, 221. и пр.

³ Проконій III. 14.

⁴ Переводъ Григорія Наз. ib. 88.

прочемъ народная пѣсня ¹. У Болгаръ есть также обычай, исполняемый тоже дѣвушками, въ Ивановъ день утромъ до зари, бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сплетенное изъ вѣтвей ². О богослуженіи при водахъ у Рускихъ упоминаетъ Левъ Діаконъ: воины Святослава—пишетъ онъ—погружали въ струи Дуная младенцевъ и вѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ ³. Несторъ говоритъ, что Рускіе «кладяемъ и езерамъ жертву приношаху»,—а Лѣтопись Новгородская, что наши «погани жраху идоломъ въ колодязѣхъ»; въ Уставѣ Владиміра о Судахъ упоминается о молящихся у воды; въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодиземъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простаго народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте собѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ и пр. ⁴. Въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ, какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаяхъ приносятся Волгѣ и морю хлѣбъ—соль, какъ жертву благодарности ⁵. Нѣкоторые изъ раскольниковъ и донинѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней идѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чанами, и при поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя деньги, какъ жертву. Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезьямъ или студенцамъ и озерамъ ⁶. Изъ пѣсень и обычаевъ русскихъ—говоритъ Снегиревъ—видно, что у воды совершались гаданья, какъ напримѣръ въ семикѣ. Въ одной старой пѣсни, которую поютъ въ Подольской губерніи подъ Межибожьемъ, замужняя

¹ Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: «... Сиди дивче доли, те си винце пијете, један'винац сијјела, у морје годила....»

² *Машлатка* собственно значитъ: остоупъ, скелеть, — старуха костлявая, — яга-баба. Срав Малор. *маслаки* — кости животныхъ.

³ *Левъ Діаконъ*. IX, 8.

⁴ *Густин. Лѣт.* 234, 237. Лѣт. Повг. 1781 Стр. 1. Уставъ Владиміра о судахъ въ доп. къ А. N. 1. *Русскія Достоп.* I, 94, 101. Москвитининъ на 1844. I. 243. *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁵ *Древ. Рус. Стихотворенія* М. 1818. Стр. 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба великіи суврой, а и солью насолилъ, его въ Волгу пустилъ: а спасибо тебѣ, Волга матушка рѣка.»—«Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю по морю двѣнадцатъ лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани-пошлины, и въ то сине море Хвальицкое хлѣба съ солью не оускивалъ,—по меня Садка смерть пришла.»

⁶ *Снегиревъ*, Рус. праздники. М. 1839. I. 16.

жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ крещицу, и та отвѣчаетъ имъ, какъ оракулъ¹. Въ Малороссіи, въ Ивановъ день рано утромъ, многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ къ водѣ плота и дерево или марену, сплываютъ съ нихъ всѣ украшенія, кромѣ вѣнковъ, поютъ тѣ же пѣсни, какъ и на кануни, и съ крикомъ бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иные сплываютъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести ломой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней². Съ этимъ обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромы». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшія въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто и, выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать³. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій. Одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошъ, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ. Изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польшѣ бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ рассказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее и почитаемомъ болѣе церковей. Эббо и Сефридъ упоминаютъ о священныхъ ручьяхъ, обтекавшихъ деревья, посвященные божествамъ; а Гельмольдъ объ обычаяхъ клясться ручьями⁴. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуется ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упомывая о поклоненіи потокамъ, о возліяннѣ и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть

¹ *Снегиревъ*, ів. I, 136-137. III, 113.

² *Пассекъ*, Очерки Россіи, III. М. 1840. Стр. 109.

³ *Снегиревъ*, ів. III. 134.

⁴ *Длугошъ*. VII, подъ 1278 г. *Снегиревъ*, ів. II. 131.

⁵ *Титмаръ*. I, 3. VII, 52. *Эббо*, 98. *Сефридо*. 106. *Гельмольдъ*, I, 84. СРАВ. 48.

сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромы и съ русаліями ¹. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодеземъ ². У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, въ обычаѣ бросать весною въ потоки лѣства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ.

Изъ всего этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, лѣства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ, вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирався преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклошеніе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первою стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ: у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь-огонь вмѣстѣ съ царицей-водою свѣтъ создали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ разсказывается, что огонь

¹ *Козьма Праж.* ів. 10 и 197.

² *Касторскій*, ів. 150.

породилъ и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, песовѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ, хоть и не древнѣйшихъ, но, конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ петочниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфѣда и Димешки¹. Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магізмомъ; а какъ магізмомъ называли Арабы всякую языческую религію², то можно было бы заключать, что и тутъ магізмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразныя свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ, замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрыями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огнянамъ, огневицамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудячихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь вознѣтаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ *зничемъ* или *взничемъ* (отъ «*чтпти*—*нитити*—*возгнѣтати*»)³. У всѣхъ же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ къ обитающу духовъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ.—и съ обычаемъ жертвоприношенія огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники, въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорится и о судѣ желѣ-

¹ Казвини, Бакуви и Абульфѣда у Шармуа, ib 340, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

² Френъ, ib. 137-138.

³ Многіе Славяне называютъ этотъ огонь «живымъ огнемъ». Срав. Ходаковскаго путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

зомъ¹. Къ числу этихъ общеславянскихъ обыкновеній надобно причислить и древній языческой обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ стихіей очистительной: «мы сожигаемъ мертвыхъ—говорилъ Русскій Ибнъ-Фоцлану—такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»². Кромѣ всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго поклоненія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огнени молятся, зовутъ его сварожіцем... и огнени молятся подъ овин(о)м.»³. О Сварожичѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше; безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварога сына, а другаго,—во всякомъ случаѣ сына владыки неба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что же касается до молитвъ подъ овиномъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ⁴; обычны онѣ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины овина⁵. Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огонь»⁶. У Поляковъ сохранились слѣды огнепоклоненія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горящихъ угляхъ, кѣмъ украдено чтонибудь пропавшее: отбирая уголь за углемъ, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозрѣваютъ, и чей уголекъ въ это время покроется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ⁷. У Лужицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гаданьяхъ по пламени, и остатокъ этого гаданья существуетъ до сихъ поръ, когда звомю дѣвщины собираются на пряху: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

¹ См. выше ссылку о судѣ водою.

² *Ибнъ-Фоцланъ*, ib. 21.

³ *Слово Христолюбца*, ib. 228.

⁴ *Уставъ Владиміра*, ib. I

⁵ *Снегиревъ*, ib. IV, 83. I, 201.

⁶ *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁷ *Литовъ*, Collectanea въ Згорѣльской Библіотекѣ. III, N° 15.

лучинку, в чья скорѣе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О почитаніи огня древними Чехами говоритъ Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондиломъ¹. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на пеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскихъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ пазѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у рощи или у воды, раскладываютъ огонь и въ шѣвняхъ, которыя при этомъ поютъ, припѣваютъ: «sweti se, sweti ogenj, sweti se!». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называлась дѣвою огня—«wogniena deklisa». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываетъ въ день Зевса и Перуна². И что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычаѣ гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадин дан», т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадняк»³. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до приятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ нибудь молились.

Опускаю нѣкоторые другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее: Огонь, какъ первоначальная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились — на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, чело-вѣку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купала; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

¹ Козьма Праж. 10. Халкондила у Стриттера, Memoriae pop. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstay; у Люнебургскихъ Славянъ Parandan Perendan

³ В. С. Караджич, Српски рјечник. Беч. 1818. Стр. 16-17.

II.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и поэтому не могли не быть почитаемы как священные мѣста богослуженія. «Не варицайте собѣ бога ни въ каменіи», говорилъ Кириллъ въ своемъ словѣ, увѣщавая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ ¹. О бѣломъ горячемъ камнѣ Алатырѣ, подъ которымъ сокрыта сила могучая, ей же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ мнѣны въ народѣ Русскомъ ². Корочуповъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія ³, подобно Коню-каменю (на островѣ Коневцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня ⁴; а въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой мечи, вокругъ Коня-камня совершается до сихъ поръ опахиванье во время скотскаго падежа ⁵. Въ Поволжскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найти дырчатый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «куринымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой, однако, сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ. ⁶ Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказки о духахъ горъ, «горыняхъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья, прислушиваясь къ отголоскамъ. У Балтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; ими клялись, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ—Buskahm (бужь-камъ), а подлѣ Деммина есть другой священный камень ⁷; вѣроятно много подобныхъ встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жили, или и донинѣ живутъ Славяне: таковы—Со-

¹ Слово *Кирилла*, въ *Москвитянинѣ*, 1844. № 1. 243.

² *Сахаровъ*, Сказанія Рус. народа. Спб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36

³ *Карамзинъ*, II. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ *Исторія Рос. Іерархіи*. IV. М. 1812. Стр. 607.

⁵ *Снегиревъ*, ib. I. 15-16.

⁶ *Касторскій*, ib. 135.

⁷ *Гельмольдъ*. 184. *Бартольдъ*, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. Стр. 559.

ботка (Zobtenberg), Кёнигсгайнскія горы, Прашицкія, Бѣлбогъ и Чернобогъ и пр. О томъ, что горы и камня обожаемы были древними Чехами, свидѣтельствуеъ Козьма Пражскій¹. Въ пѣсняхъ Краледворской рукописи упоминается о скалѣ, милой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія². У Словаковъ священными горами до сихъ поръ считаются нѣкоторыя изъ вершинъ Татранскихъ; по ихъ повѣрью, тѣни усопшихъ собираваются въ Ивановъ день на Матру молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носитъ Триглавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскихъ хребетъ Велебитскій считается обиталищемъ вилъ, горныхъ русалокъ, которыя, по народному преданію, какъ духи добрые, помогаютъ человѣку, предостерегаютъ его отъ опасностей, даютъ ему знать о нихъ своимъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее и требуютъ отъ него жертвъ³. У Хорватовъ есть обычай оставлять для нихъ на камняхъ плоды и ленты, обычай, превратившійся въ дѣвичью игру, но оставшійся, конечно, отъ времечъ языческихъ, когда имѣлъ религіозное значеніе. У нихъ есть и пословица:— «узми, вилу, ча је теби мило!» употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ.

Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горномъ; но и изъ этого видно, что божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карнатахъ, Судетахъ, Искольвахъ и пр.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти донынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по

¹ Козьма Пражскій, ib. 197.

² Краледвор. рпсь. IV, 143—145. Срав. Стредовскаю, Sacra Morav. hist. 42.

³ В. С. Караджич, ib. 69—70. Это-же Српске пјесме. Беч. 1841. I. 149 и слѣд.

народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгія—говоритъ онъ—Русскіе совершали жертвоприношенія подъ большимъ дубомъ¹. Въ Уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, «кто молится въ роценьи»², а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «душлинамъ деревянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе»³. Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ⁴. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ роценьямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи — о служеніи около куста⁵. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богомъ на дерева»⁶; однако не только Духовный Регламентъ запрещалъ «середъ дубомъ молитвы иѣть, но и до сихъ поръ народъ Русскій рассказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ, тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кое-какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи.⁷ Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «силѣ видимой невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ-то священномъ и пр.⁸ Семницкая пѣсня: «подъ липою столъ стоитъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намскаетъ на какой-то жертвенный обрядъ⁹. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чашѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное ауканье, какъ въ голосъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтили деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штетина; а Сефридъ — о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который по-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperio. 9.

² Уставъ Владиміра. ib. 1.

³ Карамзинъ, II Г. Р. I. пр. 216.

⁴ Касторскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лѣт. ib. 184. 234. 237.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

⁷ Снеирева, ib. I. 39. II, 6.

⁸ Сахарова, ib. Заговоры N° 11, 19, 25, 28, 29.

⁹ Снеиревъ, ib. III, 112.

читался жилищемъ какого-то бога¹. Народъ считасть до сихъ поръ нѣкоторыя рощи священными и запечатлѣлъ прежнее уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «богиницами»². О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Ретрскій, священнымъ и обожасмымъ былъ и Святый боръ (Zuitibor)³. Болѣе подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говоритъ о почитаніи лѣсовъ и рощъ, какъ святилищъ и о запрещеніи клясться деревьями; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали—разсказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священные дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были все мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, сходился народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ принести жертвы плкту, угрожаемый опасностію смерти, искалъ тутъ убѣжища. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщевать приступить къ разрушенію святилища и самъ соскочивъ съ коня, низринулъ большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныхъ деревьевъ въ костеръ и зажгли»⁴. Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы⁵. До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ

¹ Эббо. 98. *Сефридъ* 106, 168, 169.

² *Гельмольдскій*, Lud polski. Warsz. 1830. Стр. 278—279. *Ходаковская* Донесеніе въ Петер. Сбор. VII. 116: Гайи богъ. *Фабрицій*, Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen. Stralsund. II. 1843. 68. № 132: «due arbores que Hagehokin dicuntur».

³ *Титмаръ* VI, 26, VII, 17. Сравни *Анналиста Сакси* подъ 1009: Zudibore.

⁴ *Гельмольдъ*. I, 84.

⁵ *Арнольдъ Любекскій*. Chronicon Slavorum, IV. 24, (Сравни. *Лиша*, Jahrbücher des Vereins für Meklenb. Gesch. VI. Schwerin. 1841. Стр. 70). *Марескалкъ Турій*. Annales Herulorum. I. 4.

прежде жили Славяне, нѣкоторыя рощи и боры называются святыми ¹. О нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ рассказываетъ какъ о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксонскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыихъ гаяхъ» являются тѣни стародавнихъ князей и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Тѣтка, научила народъ обожать дриадъ, и что въ его время еще было въ простомъ народѣ религіозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что князь Брѣгиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ ². Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный княземъ Некланомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «*prode wsie drua wzlozie obieti bohom*». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ же, Забойи, жалуясь на пновѣрцевъ, угибавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «*posiekachu wsie drua i rozhrusichu wsie bohí*» ³. У Словаковъ есть много воспоминаній о священныхъ рощахъ. Кромѣ «евѣрныхъ» рассказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержать подлѣ селеній заповѣдныя «гаи», большею частію на возвышенныхъ мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа», который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи, подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и ридить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса, въ такую чащу, куда бы не могъ дойти лучъ солнца ⁴. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрjami объ обитательницахъ лѣсовъ, вилахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чащѣ, и пр. У Хорутанъ нельзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у ясны, которою украшается средина главной сельской площади. Уваженіе къ

¹ Напр. Heiligenhai или Swent. Schwarz, Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav. 204.

² Козьма Праж. 10, 197.

³ Краледвор. пѣс. IV, 22—23. VI, 50—51.

Краледвор. пѣс. VI, 15—19.

ляпамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ ¹. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники Славяне хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Оттонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ князь ихъ Брѣтиславъ ².

Изъ всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее: Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дулистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено коньями, иногда завѣшено тканямъ, брошенными на вѣтви, — или около куста, — или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступить безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили лѣства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

Цельза не согласится, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. Какъ памятники язычества, они заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогъ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною слѣзанныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковского ³. Городищемъ ⁴ называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильно дугою или угловато въ цѣльнй кругъ или полукругіе, и иногда обведенная кругомъ ли, или съ какой нибудь стороны, не ровомъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ ко-

¹ Коларъ, Zpiewanku. I. 429—431.

² Андрей, V. Ott. II, 82. Козьма Празж. 112.

³ Ходаковского, Плавъ Путешествія по Россіи, въ Сынъ Отеч. за 1820. N 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникѣ Евр. 1820. N 17—18. Ею же, о Słowianszczyznie przed Chrzescianstwem. Krakow. 1835. Ею же, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ. I. M. 1837, кн. 3.

⁴ Рус: городище, городиско; Поль: grodzisko; Лук: pol žiše; Чеш: hradište.

торыхъ валь образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на вѣдшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валь всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; ныны же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ и угловатыхъ валь образованъ по четверугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бываютъ также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода,—и валь у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покоемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва ли можетъ быть подведено подъ какія нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую нибудь особенность, которой нѣ имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что нибудь значили, насыпались не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлить главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валь, то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда же, получая самыя разнообразныя формы, примыкаютъ болѣе всего къ входу городища¹. Городище имѣетъ свой тылъ или заднюю сторону тамъ, гдѣ валь поднимается выше, и свою переднюю сторону или лицо тамъ, гдѣ валь ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковскій считалъ лицо или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища²;

¹ Примеры городищъ разныхъ формъ можно найти у *Ходаковского* (Истор. Спет.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ). М. 1825), *Ванера* (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elbufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland. Leipz. 1839), *Преиске-ра* (Blicke. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

² *Ходаковский*, Истор. Система. II, 27. 93.

есть, однако, много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку нельзя не замѣтить что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. При томъ же, лицо и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лицо въ отношеніи къ тылу находится съ боку. — Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осѣли, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть чтонибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, нельзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалы или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣрится съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже, — можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90—110°. Во внутреннемъ пространствѣ городища имѣеть поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ, впрочемъ, Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ,

¹ Ходаковскій, Планъ путешествія. Сынъ От. № 33. Стр. 296

Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравіи, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполновыхъ горъ, городища небольшая рѣдкость, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ ихъ менѣе. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище ¹. Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковскій, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что нельзя видѣть двухъ, трехъ на одной верстѣ ². Факты противорѣчатъ этой догадкѣ; въ Лужицахъ, напримѣръ, чѣмъ глубже идти на югъ въ горы и чѣмъ ближе подходить къ такъ называемому Болоту (Bloto, Sprucewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ въ степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокъ, и на западъ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Ширевѣ и ся притокахъ одно отъ другаго отстоятъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковскій былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытій, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды ³. Это мнѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ—на совершенно ровныхъ

¹ Ravensburg. *Bartsch*, Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110—117.

² *Ходаковскій*, Истор. Смет. 11—12.

³ *Ходаковскій* ib. 11.

мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текущей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще, мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлять на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какой пубудь стороны,—и таковы степныя не только видныя, но и приступныя; таковы же и нагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой крутизною ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вмѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять вѣншіи видъ и положеніе городищъ; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковский, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найти, разрывая почву, ихъ покрывающую¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытіи оконечностей вала и внутренняго пространства завалья, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалья; б) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головни, кости и рога животныхъ, черенки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завалы—ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменныя основанія костра и между камнями недогорѣвшіе брусья². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что, слѣдовательно, это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, носившихъ на себѣ тотъ же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Нельзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убійницъ, какими были и священныя роуди и храмовые города, во время мира совершенно пустынные³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ же, нѣкоторыя изъ городищъ такъ малы, что ихъ, какъ военныя укрѣпленія,

¹ Ходаковский ib. 53 и слѣд.

² Смолр. вышеознач. статьи *Прейскера* и *Ванера*.

³ *Гельмольдъ*. I, 84. Срав. ниже о храмовыхъ городахъ.

употреблять было бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь же общезвѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ нельзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ пародѣ хотъ они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священный характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ, или приковывая къ себѣ какія нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищъ видно изъ всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что нѣтъ пока возможности дознаться не по одинымъ догадкамъ, какого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе именно обряды бываы въ нихъ совершались, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

Переходимъ къ обзорѣнію храмовъ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно — по своей архитектурѣ, — по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, — по отверстіямъ въ верху, — по настройкамъ, слѣлапнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, — по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, — по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились, — по звукамъ, раздающимся сверху зданія, — наконецъ по тому, что приключается съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца... тамъ же есть страшныя

изображенія различныхъ Абиссинявъ и Эѳіоплявъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ залвомъ: оно построено было изъ краснаго коралла¹ и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куноль, подъ которымъ стоитъ идолъ; а противъ него другой, изображающій дѣву. Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними². Нельзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но нельзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какія Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карнатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній, какъ нѣтъ свѣдѣній и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ, впрочемъ, только краткія наименованія. О третищахъ упоминаетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ—Митрополитъ Иларіонъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеемъ даннѣмъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей—Кіевскій Патерикъ³, и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сказъ объ Олавѣ Тригвессонѣ: Олавъ—сказано тамъ—Ездая всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никог-

¹ По другому списку: «изъ мрамора».

² Масуди, ib. 319 - 321, 340, 358.

³ *Извор. Лит.* въ Продолж. Рос. Вивліоѳ. II. 111. Творенія Св. Огцева. М. 1844. II. 204, *Карамзина*. II. Г. Р. I. пр. 225. *Трѣбище*—храмъ, жертвенникъ (перем. VIII, 31: создала трѣбище—Vulgat: excelsa.—Павла Посл. I къ Коринѣ. VIII, 10: въ третищи возлежаща—Vulgat: in idolio). *Трѣбита-теревитъ*—щипать, выщипывать, вырѣзывать, вычищать; *трѣба*—нужда,—обрядъ — *Капище*—идолъ, жертвенникъ. (Исходъ. XXIII. 24: сокрушиши капища—Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капище—Vulgat: aram. Срав. *Карамзина*, II. Г. Р. I. пр. 458. *Капище*, по Добровскому (Грамм. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ *kap-ати*; не правильнѣ ли отъ *kop-отъ* (срав. Греч. *κορυθος*).

да не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владпміръ приносилъ богамъ жертвы ¹.—О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи упоминаютъ Длугошъ и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живцѣ—хроника Прокоша, о храмахъ земли Колобрежской—хроника Титмара ². Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ, о храмахъ Штетинскихъ. «Были въ Штетинѣ—нишетъ Сефридъ—четыре «континны» (continae, concivae), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внешняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внешней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ.... Три другія континны были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ извѣстные дни и часы шировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ» ³. Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой ⁴.—Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ

¹ Сага объ Олавѣ Тривесонѣ. Русск. Истор. Сбор. IV. 46—47. стр. 96—97.

² Длугошъ. V, 9. Прокошъ, 113. Титмаръ. VIII. 52.

³ Сефридъ. 104, 105. Онъ объясняетъ слово континна отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse vocatas. Пныю производилъ это слово отъ Гонтъ—Schindel (Карамзинъ. II. Г. Р. I. 68. Бартольдъ, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ конь-конецъ, думали, что онѣ стояли на концахъ города, или же съ конь-законъ, воображали, что онѣ были мѣстами храненія законовъ (Wiener Jahrbücher. XXVII, 90. Раковецкій, Prawda Ruska. Warsz. 1822. I. 113—114). По моему мнѣнію, contina-concivna то же, что Старослав. кѣтина—Польское кѣина: корень—кѣтъ (кугъ, уголь); отъ него Старослав. кѣща, Срб. куѣа, Хрѣ: коча (домъ). Срав. Шем. katschen. Такъ храмина отъ храмъ-хоромъ (домъ, клѣтъ).

⁴ Эббо. 64. 97.

Славянь. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говорить онъ—есть городъ, по имени Ридегость, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третьи, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ изъ нихъ парѣзапо его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ.... Въ храмѣ хранятся священныя знамена.... Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣмъ имъ»¹. Тотъ же самый храмъ, по позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редигастъ (Радигастъ, Радагастъ).... Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволяется только тѣмъ, кто хочетъ принести жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. отъ Гамбурга до Ретры четыре дня пути»². О храмѣ Ретрскомъ упоминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту, очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирциановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руянъ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Ар-

¹ Титмаръ. VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet о восточномъ входѣ сдѣлана по Брюссельскому списку, сдѣлана мнѣнію Гизебрехта, Wend. Geschichten. Berl. 1843. I. 69.

² Адамъ. Брем. II. 11—65. Гельмольдъ. I, 2.

³ Гельмольдъ. I, 21.

⁴ Гельмольдъ. I, 37, 72. 84. II, 12.

кона—пишетъ опѣ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера опѣ защищенъ природной, а не искусственной защитой — утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада опѣ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый, впрочемъ, не только по великолѣбію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзаннѣми фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя стояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя — изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовид), а подлѣ него были узда, сѣдло, мечъ и пр... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно было ее вырубивать, чтобы вытащить его изъ храма... Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ... Тому же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ»¹. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Рујевица, на томъ же островѣ Руянѣ:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложено только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, опѣ былъ полонъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ, не упалъ бы на голую землю. Опѣ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣщена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однихъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова,

¹ Саксо грам. 822, 823, 826. 837.

то дубовый идолъ Рујевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокъ². О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамбергскаго: о храмѣ удивительной величавы и красоты въ Гуцковѣ, о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгаствѣ, Юлигѣ, Гавельбергѣ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Браниборѣ намекаетъ Пулкава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры. — Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Рујевитова храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святovidова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣній потому, что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Арконскомъ храмѣ Святovidа: идолъ, перерубленный по ладвямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ немъ самомъ вышины отъ головы до середины ладвей. И хоть идолъ былъ выше человѣческаго роста, положимъ такъ же высокъ, какъ и идолъ Рујевита, т. е. до пяти аршинъ⁶, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хронографъ Саксо, подл. 1148.

⁴ Сефридъ. 133, 136. Эббо. 73. 80. 81.

⁵ Пулкава, Chronicon подл. 1156. Добнеръ, Monumenta Bohem. III. 167.

⁶ Саксо грам. 823. Смотр. ниже объ идолахъ.

упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все же нельзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояннн были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣпу, а на ближнюю стѣну (*propinquo parieti supra incidit*), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли ¹. Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а вокругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно гораздо пространше. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священныхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на виѣшней, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ, выпуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насекомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ отношеніе съ религіозными мнѣями. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на виѣшной сторонѣ стѣнъ храма Ретскаго: легко, впрочемъ, можетъ быть, что подъ выраженіемъ «рукотворные боги» (*dii manufacti*), надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: иные, подобно Ружеветову въ Кореницѣ, состояли изъ однѣхъ колоннъ и завѣшиваемы были тканями снаружи, такъ же какъ и внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ виѣшной части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся виѣшность храма представлялась цестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, чтобы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько нибудь поднималась надъ серединой храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ виѣшныхъ стѣнъ или колоннъ только

¹ Подъ словами: *aulææ* и *purpura* Саксо г. понималъ одно и тоже Саксо грам. 837. 838.

до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю,—и, легко можетъ быть, оканчивался иногда чѣмъ пубудъ въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, пмъ описанныхъ, подъ которымъ стоялъ идолъ, и объ отгверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о настройкахъ въ немъ, сдѣланныхъ для наблюденій восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священныя звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола¹. Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вышинѣ храмовъ. Они не могли, впрочемъ, быть слишкомъ низки: иначе бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣбію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низменность была бы кѣмъ нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Рујевиновомъ храмѣ: когда его разрушали, то стоило только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы идолъ сдѣлался видѣнъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галереи для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священныя звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, нельзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гунковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлиньскій, потому что въ немъ хранилось копье на вершинѣ столба удивительной выши-

¹ *Бюштингъ*, *Wöchentl. Nachrichten*. III. 198 и слѣд.

ны (*mirae magnitudinis*)¹. — Храмы строились большею частью изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ретрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно, потому что все Славяне издавна были мастера на постройки деревянныхъ, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и раѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того, однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что все Славянскіе храмы были деревянныя. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами печистые духи спосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалины, которыя бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнѣ храмовъ. Между Арабами также послылись слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ютробогѣ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческій, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода². Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ³. Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ⁴. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобныя остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германскихъ; по ни мѣстности,

¹ Люпимъ С. Круц. II, 15.

² Діакоуъ Гансманъ у Ваиера, Die Tempel etc. 63—64.

³ Бюшинъ, ib. 200.

⁴ Клеммъ, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. Стр. 342.

гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣдѣнія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія¹. Нельзя тутъ опустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчаемъ въ Рудныхъ горахъ, Исполнахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Придунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. А если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ лзычниковъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.² Не смотря, однако, на все это, нельзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были стропмы изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе.—Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, нельзя забыть того, что храмъ Петрскій, по словамъ Титмара, воздвигнутъ былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣльиваемы были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго;³ рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святовида, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ⁴; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужицкими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религіозно-символическое, и только какъ символъ клались въ основаніе храма, а не какъ дѣйствительный фундаментъ, который былъ бы слишкомъ непроченъ.—Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святовидовъ, съ запада были два входа въ храмъ Петрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшіи

¹ Гриммъ, Deut. Mytg. 57—77.

² Эббо. 63. Несторъ. 23.

³ Сефридъ 105.

⁴ Саксо грам. 825.

къ морю, никому не быть доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной, къ которой долженъ обращаться человекъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, которая, также какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскрашенными изображеніями. Было-ли что во дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ, впрочемъ, предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли своихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія конями. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоценностями, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя, накопляясь, не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пируество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершаться подъ открытымъ небомъ: для того и другаго должны были при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и были при Штетинской коптнѣ Триглава три меньшія коптны: полагаю, что онѣ всѣ были въ одномъ дворѣ. Притомъ-же многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ храма — и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предположить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣскольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подле другаго ¹. — Нельзя упустить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній — и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бывали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападеній, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрестные жители находили убѣжище, строивъ въ нихъ для себя временныя жилья, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священ-

¹ Саксо грам. 843.

помъ, пенарушимомъ убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту Бога, въ немъ поклоняемаго ¹.

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и въ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фоцлана, что Русскіе купцы въ Игилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ ². Тѣмъ не менѣ идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать, безъ разнаго рода изображеній божествъ ³. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ. — Они были не только изваянныя, но и рисованныя. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами ⁴. У Яровита были свои знамена, какъ упоминаетъ Эббо ⁵. Имѣлъ ихъ и Святovidъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица ⁶. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту и почитаемо пародомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Неся его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское и все считали себя позволненнымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сжигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти княжеской» ⁷. Изъ того, что

¹ Гельмольдъ. I, 84. Убѣжищемъ былъ и дворецъ князя. Севфридъ. 87.

² Несторъ. 23, 34. Краледв. ртвь. VI, 42—43. Ибнъ Фоцланъ 7—9.

³ Титмаръ. VI, 18. Гельмольдъ. I, 84.

⁴ Титмаръ. VI, 17. VII, 47.

⁵ Эббо. 71.

⁶ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангига», производя отъ стягъ (ср. Нѣм. Stange); читая «стангига», можно его сличить съ Серб. «застава».

⁷ Саксо грам. 830—831.

изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія рѣзные, какъ могли быть и раскрашенныя изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на вѣшней сторонѣ стѣнъ храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на вѣшней и внутренней сторонѣ стѣнъ храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими и живыми ¹. О такого же рода изображеніяхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи. а подъ лѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы; тамъ же были и страшныя изображенія Абиссинявъ и Эфиопявъ» ². Безъ сомнѣнія, всѣ такія изображенія имѣли отношеніе къ мифологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ, есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ-же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполъ и подъ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленого хризолита, краснаго рубина, желтаго сорделика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червоннаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву» ³. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фозлянъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы» ⁴. Столь-же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше кня-

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 822. Сефридъ. 105.

² Масуди, 320.

³ Масуди. 320—321.

⁴ Ибнъ-Фозлянъ. 9.

жити Володимиръ въ Києвъ единъ, и постави кумиры на холму вѣдъ двора теремнаго Перуна древяна, а главу его сребрену, а оушь златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарыла, и Мокошь... И пришедъ Добрыня Новгороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»¹. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католяковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру, онъ заставляеть ихъ сказать, что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а бози ваши древо суть». Тѣ же слова говорить у Нестора и Варягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «не суть бо бози, но древо»². Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Києвъ, «повелѣ кумиры испропрещи, овы осѣщи, а другія огнемъ предати; Перуна же повелѣ привязати коневя ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручан, вѣ мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чующую, но на поруганье бѣсу, пже ирелщаше симъ образомъ челоувѣкъ, да възмездье ирметъ отъ челоувѣкъ... И привлекше вринуша и въ Дяѣиръ. И пристави Володимиръ рекъ: аще кле ирстанеть вы, то отрѣванте іего отъ берега, доидеже пороги иридеть, то тогда охабитесь іего... И постави (Володимиръ) церковь св. Василія на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии»³. О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ извѣстіе лѣтописи Новгородская: — Ириде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсулянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужн волочаху по калу, бьюще жезльемъ, и заповѣда никомужь нигдѣ же не ирїати. И се иде Пидоблявинъ рано на рѣку, хотя горнѣци везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ»⁴. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упоминаетъ въ Прологѣ⁵. — Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугошь упоминаеть о святилищѣ идолослуженія въ Гибзиѣ и объ идолѣ

¹ *Несторъ*. 23, 34.

² *Несторъ*. 35—36.

³ *Несторъ*. 50.

⁴ *Новгород. Лѣт.* въ Пролож. Рос. Вѣд. II. 110—111.

⁵ *Карамзинъ*, II. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. *Добровскаго* Грам. Слав. I. 269—271. *Копитаръ*, *Glagolita Clozian. Vindob.* 1836. 75 (Срав. Хрт. куман - ѡльвица, отъ ѡльства покрасѣвшій) *Нету канъ* отъ истукаю—выливаю: *Начаи Бернида*, *Лехіконъ*. 1627. чд.

Дьваны, а Бѣльскій — объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ ¹. Изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Колобрегѣ ², а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго — о Штеттинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что богъ, котораго былъ онъ изображеніемъ, управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и адомъ; а глаза и губы идола покрыты были повязкою въ знакъ того, что богъ не обращалъ вниманія на грѣхи людей. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребренны, а повязка золотая и пр. ³ — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козлиныя ⁴. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній; у Козьмы Пражскаго есть только общій намекъ о существованіи идоловъ ⁵. — Самыя любопытныя пѣвѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Викудинъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди ⁶. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго — говоритъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ нарѣзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его сдѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани ⁷. Хронографъ Саксо упоминаетъ

¹ *Длугошъ* V, 9. *Бѣльскій*, *Kronika Pol. Warsz.* 1829. I 120.

² *Титмаръ*. VII, 52. Польское названіе идола *balwan* (слово, впрочемъ, извѣстное почти всѣмъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт. словомъ *peulwan*. *Slow. Staroz.* 324. Сравни. Лвт: *balwonas* и Мадьяр. *balvany*.

³ Эббо. 55. 64. *Анонимъ Сантакруцъ*. II. 11—12.

⁴ *Вацерадъ*, *ib.* 227.

⁵ *Козьма Праж.* 10. Чешское названіе идола *modla* Юнгманъ производитъ отъ *modella* (*Slownik.* II. 481). Чешское Слово *malik* (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола *manleika* (*Ahd. manalīhho*): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія впрочемъ, Хорут. слово *malik* (чортъ) идетъ въ сравненіе, *Гриммъ Deut. Mth.* 93.

⁶ *Викудинъ*. III. 68.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. *Адамъ Брем.* II, 11

объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава—о треглавомъ идолѣ Браниборскомъ; Гербертъ—о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо—о Яровитѣ Гавельберскомъ, давал мимоходомъ намекъ, что идолъ имѣлъ свои собственныя одежды; Андрей—объ огромныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гуцковского; Гельмольдъ—объ идолахъ Радагаста, Святотида, Подаги и пр., замѣчал притомъ, что идолами и пенатами были полны все города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ—объ идолѣ Ростокскомъ и объ идолахъ Руяльскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идолѣ Святотида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налево; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руяль. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который каждагодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узла и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе же всего изумлялъ наблюдателя огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою². Изъ идоловъ Корепицкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идолъ Рујевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черепомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вы-

¹ *Хронографъ Саксо* подъ 1148 г. *Пулкава* подъ 1156. Грамота Герберта у *Геркена*, Codex dipl. Brand. V. 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 37, 72, 84. II. 12. *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 71. 79.

² *Саксо грам.* 823—824.

путый изъ поженъ, идолъ держалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ опъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человеческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ»¹ — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ нятю головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка². Книглинга-сага, давая Кореницкимъ идоламъ названія Ривита, Турунда и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руинскихъ идолахъ Пизамара и Чарпоглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами³. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ, потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ находимъ у Ботона, въ *Cyropica picturata*, нельзя не считать безмысленной поддѣлкой⁴. — Припомняя сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁵. Они были разной величины, и небольшіе и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра, золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней, — и сдѣланы были съ искусствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ

¹ Саксо грам. 842.

² Саксо грам. 843.

³ Книглинга-Сага. 122: стр. 350.

⁴ См. о нихъ А. Г. Машиа: Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten. Berl. 1771. Beiträge. Schwerin. 1774. *Потоцкаго*, Voyage dans la Basse-Saxe. 1794. *Левецова*, Ueber die Aechtheit der sogenan. Runendenkmäler. Berl. 1835. *Буларица*, Россія. СПб. 1837. *Исторія*. I, 225 и слѣд. Вышеки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевича* (Hist. Pol. nar. I. Warsz. 1824. 313—496. гдѣ помѣщенъ словарь мнѣологии Слав.) и *Гануша* (Die Wissenschaft des Slaw. Mythus. Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались всѣмъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Штемана Grundtraek til en nordslavisk Gudelære* (Нѣм. переводъ въ Neue Provincialblätter. IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.

⁵ *Гельмольдъ*. I, 53... penales, quibus agri et oppida redundabant. Не позволю себѣ рѣшить, что должно понимать подъ пенатами.

имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами или съ нѣсколькими лицами; но, кажется все имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждѣ, частію рѣзной изъ дерева или литой изъ металла, частію сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали болѣею частію стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдальца или ложа. — Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ:— «Совлеконша идола въ Волховѣ, а въ Перуни бѣсъ, и начатъ кричати: охъ мнѣ, охъ! и пловъ выплъ вверже палецу на мостъ: еще кто не крещеніи помпнайте и бойтеса безумнии человекци, на мосту семъ» ¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святovidова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ чернаго звѣря ².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Все эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, все онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторыя изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управляющаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрескомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцири и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца, хранящееся въ Монбижу, въ Берлинѣ, имѣетъ то же видѣ щита ³. Гевиллю принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащею желѣзный обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу ⁴. Идолъ Ружевита вооруженъ былъ восемью мечами; между при-

¹ *Лѣтописецъ*. М. 1781. Стр. 34.

² *Саксо грам.* 838. Срав. *Эббо*. 82.

³ *Сефридъ*. 134. *Эббо*. 80. *Ледебургъ*, Die Königl. Museum im Schl. Monbijou. Berl. 1838. Стр. 23—24.

⁴ *Титмаръ*. VII, 50. *Лѣтописецъ*. М. 1781. Стр. 34.

надлежностями Святовида былъ также мечъ. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись конья; въ Юлявѣ какъ святилы хранилось конье на высотѣ большого столба ¹. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторымъ изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святовида, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись на войнѣ ².

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста идолослуженія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственные поля и земли ³, можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пошлиною съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ. — Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ ⁴. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрескому молился Лютичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должные дары ⁵. Въ прямѣръ частнаго дара можно привести драгоценную чашу, подаренную Святовиду Арконскому Датскимъ королемъ Свеномъ ⁶. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладные ящики, въ которые поклонники бросали то, чѣмъ желали почтить свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда ⁷.—Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святовида имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу ⁸. Саксо грам-

¹ Эббо. 62. *Адрей.* III, 9.

² Саксо грам. 830.

³ Саксо грам. 825, 834.

⁴ Саксо грам. 826.

⁵ Титмаръ. VI, 17.

⁶ Саксо грам. 825—826.

⁷ Эббо. 56. *Кирхбергъ.* 53 (*Jahrbücher für Slawische Literatur.* 1843. Стр. 403).

⁸ Саксо грам. 825.

матякъ говоритъ еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ — о десятой долѣ, какъ собственности храма ¹. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоценностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупными плѣнныхъ ². — Кромѣ этихъ приношеній произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина, и женщина, долженъ былъ въ годовую праздникъ Святовида дать монету ³. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святовида Арконскаго и Радагаста Ретрсакаго ⁴. Кромѣ того торговцы, если желали что покупать или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, чтонибудь драгоценное. Купцы, занимавшіеся сельскою торговлею, должны были также, прежде начатія закупки сельдей, принести законную дань Святовиду ⁵. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, по крайней мѣрѣ, у Руянъ въ отношеніи къ храму Святовида ⁶. — Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накоплялись сокровища, удивлявшія современниковъ, что храмы были средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоценныя камни, ткани и различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

¹ *Саксо грам.* 825. *Сефридъ.* 105.

² *Гельмольдъ.* I, 39.

³ *Саксо грам.* 825.

⁴ *Гельмольдъ.* I, 21.

⁵ *Гельмольдъ.* I, 6. II, 12.

⁶ *Гельмольдъ.* I, 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБРЯДЫ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благодѣиіе и покорности, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условій, существовало также повсюду. Къ тому же, всѣ Славяне сохранили или предапія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительно одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религіи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскимъ Славянъ.—Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участіе другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современ-

¹ Титмаръ. VI, 17

ники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ низшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличается это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подъ вѣдѣніемъ высшаго жреца, а другіе храмы, посвященные тому же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти¹. Если жрецы и не составляли касты, то все же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу². Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства, предѣляли въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мѣшными, владѣли богатствами³. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Рулиѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь⁴; не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и человекомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищать его⁵. Жрецы заботились о священныхъ козлахъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ⁶. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена и все богатства храмовъ⁷. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ мольщикамъ съ увѣщаніями. Примѣромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникъ Святovidа: при концѣ

¹ Саксо грам. 826.

² Саксо грам. 824. Сефридъ. 128. Эббо. 79. и пр. Марескалкъ Тур. Annal. Perul. IX (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844. 95—96.)

³ Эббо. 65. 76. Сефридъ. 128, 158. Гельмольдъ. I, 84. II, 12.

⁴ Гельмольдъ. II, 12.

⁵ Саксо грам. 826.

⁶ Саксо грам. 826. Сефридъ. 109.

⁷ Титмаръ VI 17 Саксо грам. 825

богослужебнаго обряда жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая вѣрною наградою за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ¹. Что такія увѣщанія была и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего наставляли народъ оставаться при вѣрѣ предковъ². Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святovidу въ Арконѣ³; такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видимъ изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свидѣтельства, упоминающія объ участіи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились въ храмъ умолять гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова, безъ сомнѣнія молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, рассказываетъ, что жрецъ, наполнивъ рогъ свѣжимъ виномъ и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, проситъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣды⁴. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрескомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву заколалъ жрецъ и по закланіи пилъ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребій⁵. Что жрецъ былъ жертвоприноситеlemъ, это показываетъ самое его названіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ⁶. Другое названіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «калдувъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многого другаго, служитъ и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчій «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдоваць»—жрецъ, а «калдов-

¹ Саксо грам. 825.

² Эббо. 65. Сефридъ. 128 и пр

³ Саксо грам. 824.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 824.

⁵ Титмаръ. IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52. II, 12.

⁶ Жръць отъ жертви. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва.

ница» или «калдовнише» — жертвенник¹. Жрецы были и гадалками, истолкователями прорицаний: Несторъ рассказывает о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожеѣ, пророчившей побѣду Владиславу Тонконогому; жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецахъ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеяхъ и жребіеметателяхъ, которыхъ имѣть запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говоритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ — о важности жреца Арконскаго, какъ истолкователя гаданій, — объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, чтобы одушевить себя силою пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ — о томъ, что жрецъ гадалъ объ урожаѣ будущаго года по вину, наливаемому въ рогъ Святovidовъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій — о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательницѣ, — еще объ одной вѣщунѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды, — о томъ, что князь Брячиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадалей, жребіеметателей; ибсна Краледворской рукописи «о пораженіи Татаръ» упоминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздохетахъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ — о «гадачахъ, пророкахъ, птицегадалаяхъ, вѣщцахъ, волхвцахъ и волхвицахъ», и пр.². Изъ всего этого видно, какъ разнообраз-

¹ Гутсманъ, Deutsch - Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчіяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Пѣя. Kaldaunen). Славянскій корень есть: клѣд—колд—калд—клюд—куд (какъ тѣлк—толк—талк—тук и пр.). Клюдити—клюдити въ Чеш: значигъ очищать—собирать жатву—усокоивать,—отнимать, уничтожать (мог мноho lidi klidi). Кудити въ Срб. значигъ—произносить бранныя слова, заговаривать,—презирать,—удалить). Тутъ смѣшаны два корня—куд—клѣд и куд—кюд (кюдъ). Отъ втораго корня въ Срб. происходятъ слова: кудженикъ (ругатель) кудженје (клевета); въ Хрт. кудити (бранить), кудати (дуть, дышать,—шептать?): въ Чеш: кудити (бранить), кудолъ (густой дымъ; срав: чуд запаха), кузло (чара), кузлити (чаровать), кузельникъ (кудесникъ), паскуда (нечистота), паскудити се (ругаться, ссориться), паскудикъ (rheuma); въ Поль: паскуда и пр., въ Рус: кудо, кудеса (срав: чудо, шудо), кудесникъ, куделаръ,—паскудитъ, прокудитъ и пр. — В. С. Караджичъ, Сри. Риченск. 349. Ј. Стулли, Rjecoslozje. Dubrawnik. 1806 I. 364. Яршикъ, Etymologik. 152. Мурко, Slov. Ném. Besednik. Gradez. 1833. I. 153. Юшмакъ, Słownik I. 321. II, 40, 216 III, 37. Lunde Słownik. II, 641.

² Липонисецъ. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у Вишневскаго, Hist. Liter. Pol. I. 274—275. Сефридъ. 109. Титмаръ. VI, 17. Гель-

на была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно, что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою семейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самого божества, нельзя было садиться, подобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а, обращаясь къ богу, моельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что надали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные. — Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи, ¹ во время праздника Коляды, упоминается, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огня, на которыхъ сидѣли моельцы, окружал старика жреца; можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаемъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ

мольдв. I, 52. II, 12. *Саксо грам.* 824, 827. *Кольма Праж.* 11. 20, 27, 197. *Краледвор. рцкв.* III, 47—60. *Вацерадь.* 212, 222, 223, 229. Значеніе слова *вищецъ* понятно О словѣ *Кудесникъ-Kouzednik*, см. выше. Что же касается до слова *воихъ* (вльхвъ-вльхвъ), то Контаръ производитъ его отъ «вльсважи» (вльсваженъ языка-linguae balbutientes. Glagol. Cloz. 69.). Въ Блг нар. есть до сихъ поръ *воихъ* *воихъ* (пропорцатель) и *воихина* (брань); въ Хрв: есть *вухвецъ вуховецъ* (python) и *вухвица* (pythonissa). См. *I. Бьлостыца*, *Gazophylacium Latino-Slavic.* Zagrab. 1740. I, 1005. Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.) губерни. есть *воихать* (колдовать) и *воихатка* (ворожея); въ Мрус. есть *воихити* (хитрить). Въ Лаврент. спискѣ Пестора стоитъ «Вохъве» (виш. пал. «Вохъхи») вмѣсто «Водохове» другихъ списковъ *Пестора*, ib. 10—11. Пѣсню о чародѣѣ Вохъвѣ Весславьевичѣ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор.* 45.

¹ *Снеиревъ*, Рус. празд. II. 69

храмъ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли ¹. Служитель храма Святovidова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осепнимъ, старался не дышать въ немъ, и вслкій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ ².—О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ ³. То же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаемъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаніи св. Оттона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показалея одному поселянину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображал, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ ⁴. Въ Краледворской рукописи въ томъ же смыслѣ употребляются выраженія: «klaniet se bohom» и «biti v szelo przied bohu», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ «покланіатсѣ», значить «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ poklon стар. poklopa, значить то же, что русское «поклоненіе» ⁶. Польское выраженіе «szolem bić», Чешское, «selem bití», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать» ⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикасаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваженіе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка пятаго его лица, лежавшаго на груди: по остроумной

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 824.

³ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

⁴ Эббо. 79. Сефирдъ. 129.

⁵ Краледвор. рпсв. VI, 13, 39, 40.

⁶ Въ Остромир. Еванг: поклонници поклонятся отцоу (л. 31)—Vulgat: adoratores adorabunt patrem. Въ Чеш. Еванг. Иоанна X вѣка: abihu ze poclonili—Vulg: ut adorarent, Słownik Polsko-francuz. Berlin. 1844. стр. 1632. Własciwу poklon samemu Bogu ma być oddawan.

⁷ Ланде, Słownik. I, 375. Юнманъ, Słownik. I, 273.

догадка Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образом молитвы поклонниковъ, услышанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говоритъ, незабытымъ Славянами и до сихъ поръ ¹.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой словесной, просьбы и благодарности. Отъ — молитвъ словесной дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ нѣсенѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «prokni ida kol obieti bohom slavu hlasase i zachazeie zezwucie ne meskase» ². Въ Русскихъ святочныхъ нѣсеняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славенъ еси, гей, славенъ еси, нашъ милый Боже, на высотѣхъ!» или «благословенъ еси, господь, благословивъ сыновъ своихъ» ³. Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ нѣсни, «за славе божије» ⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Каталича и Свара словесная нѣсня въ честь бога Лада: «Лени Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушај нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сераца наше кланјамо ти! Ладо, слушај нас, Ладо» ⁵. — Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грамматика ⁶. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ нѣсеняхъ. Такъ въ нѣсеняхъ колядныхъ, которыя нѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторя-

¹ *Тиверій*, Historia rit. Slav. Lusat. infer. V. § 3 «Дать чоломъ» у Мруссовъ называется—ударить рукою въ руку въ знакъ уваженія; это заставляютъ теперь дѣлать только дѣтці.

² *Краледвор. рись*. IV 169—170

³ *Сахаровъ* Сказанія Рус. нар. Кн. III и *Свечаревъ*, Рус. праздни-ки. IV, 65, 70, 83. *Бырцкій*, Колядки № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгріи.

⁴ *В. С. Караджичъ*, Српске пјесме. I, 96. № 156.

⁵ *Сваръ*, Ogledalo Ilirium. Zagreb. 1839 14. *Каталичъ*, Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum Zagreb. 1795 112.

⁶ *Козьма Праж.* I, 10. *Прокошъ*. 113. *Титмаръ*. VI. 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Краледвор. рись*. IV, 146.

ются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяйку съ борзыхъ коней сыновей женить, — дай, дай, Боже, тебѣ хозяйку съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать», или: «Роди Боже жито, пшеницу, усяку пшеницу, усяку пшеницу, у полѣ ядро, а въ домѣ добро» ¹. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра ². Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryla psenica i groch, w komorze, w oborze, dej ci Panie Boze» ³! Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «daj Bože štjastja, daj Bože dolju» или: nek was ran Vuoh obohati ⁴. У Хорутанъ поется: Bog daj wedro! или «Bog potoci swoje kolo na naše stodole in na naše pole» ⁵. Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сјај, сјај, Боже, и божизју, нашему господару» ⁶. Такія же пѣсни — молитвы пѣлись и въ праздникъ Кунала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсень, гдѣ поется: Bog daj, Bog daj dobar večer, dobro leto! mi smo posaj k vam pr'tekli, dobar večer smo pr'nesli, dab vam rodilo žitno pole, winske gore» ⁷. О молитвахъ, сопровождавшихъ освященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно дають и ядятъ» ⁸. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, равно и гаданья. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣланія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнію, свидѣтельство современниковъ и преданіи объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношеніяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи,

¹ Сахаровъ. ів. 11 и слѣд. Снетковъ, ів. II, 65, 70 85. Паули, Piesni ludu Rus. I, 10,

² Бурецкій, Колядки. № 1.

³ Паули, Piesni ludu Pol. 9. — 10.

⁴ Коларъ, Zpiewanky. I, 409.

⁵ Корытко, Pesme Krainskiga naroda. I, 19.

⁶ В. С. Караджичъ, Сри. Ријечник. 40.

⁷ Корытко ів. I, 91.

⁸ Востокова, Опис. рисей Румян. Муз. 228.

при совершении благодарственной жертвы за победу, каждый изъ воиновъ, проходя мимо, возглашалъ богамъ славу, и въ этомъ словословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ словословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными ¹.

Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «blasati milich slow» и просто «blasati» значить молиться ²; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Вои-миръ, обращаясь къ богамъ, «wzuola s skali blasem w lese hluczni, z mocna hrrdha uola k bohom tako, i wrtrsiasu sie druа sira lesa» ³. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ, что пѣсни составляли принадлежность богослужбныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугошь ⁴. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя и жертвы подольскыя ⁵. О пѣсняхъ-молитвахъ сопровождавшихъ обрядъ гаданія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Христіанъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpisechu ⁶. Въ доказательство же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служитъ упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ ⁷. Очень не мудрено, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужбныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоценностями, хранившимися въ храмахъ, были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона ⁸. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языче-

¹ Прибавимъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значеніи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ. Такъ и слово «дзѣкъ» (дзѣкъ, діка, dzięk) означаетъ «славу» въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, а «благодарность» въ сѣверозападныхъ.

² Краледвор. рцсь. VI, 47, 237.

³ Краледвор. рцсь. IV, 132—134

⁴ Эббо.—Длугошь. V, 9.

⁵ Востоковъ ів. 229.

⁶ Краледв. рцсь. III, 58.

⁷ Масуди. 320.

⁸ Сефридъ. 105.

ской религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «*prisce dobra miluiu bozi*» ¹, и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Болянъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда, что значеніе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе ².

III.

Молитвы сопровождалась жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединилось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшщемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеній нельзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено, впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебнымъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ обзорѣннѣ поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовонія, яства

¹ *Кралевъ рцъ*. VI. 57.

² Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *баевъ балевъ* и *пцсларовъ* (incantatores).

и оружія: о нихъ есть свидѣтельства, довольно разнообразныя и любопытныя.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были неизвѣстны благовопныя куренія какъ жертвы ¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно вѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству и совершали его двумя способами — или просто раскладывали огонь, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несоветѣмъ забывшихъ древнѣе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды, или Новогодія, и въ праздникъ Купалы, или Креса—въ половинѣ года ². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древіа непрестанно наляху» ³. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣтельствуютъ жизнеописанія св. Оттона, а также и законченные сосуды, находямые въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтаря. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Рулиѣ) считается священнымъ, въ чемъ нельзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній нельзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «*gihan*» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ ⁴.

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельство гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса ⁵. Константинъ Порфирородный, разсказывая о походахъ Руссовъ,

¹ Гриммъ, Deut. Myth. I. 50

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядные—болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кромѣ того, кое-гдѣ возжигаются огни весной и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

³ Густинская лѣтопись. 207.

⁴ Ибнъ-Фоцланъ. 15, 107.

⁵ Масуди. 320.

ишеть, что они привозжали къ острову св. Георгія и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ ¹. Подробно описать подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напитокомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я привѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то ценовольницъ, столько-то шкуръ соболей.... И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ купца, у котораго было бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который бы купилъ у меня все, что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ худо и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господя!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуется легко и хорошо и продаетъ все привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволилъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ» ². О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидблывищъ, отринувши шестомъ плившаго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перунище, досити еси пиль и яль, а нынѣ плови уже проче» ³. Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладываютъ имъ требы и коро-

¹ *Константинь Порфир.* 9.

² *Ибнъ Фоцланъ.* 7—9.

³ *Карамзинъ Н. Г. Р. I.* пр. 463.

ван имъ ломят... моленное то брашно дают и длят... ставят лише кумпром трапезы котѣйныя и законьнаго обѣда, иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ»¹. Въ переводѣ Григорія Назіанзина читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбоу створи на студеници, джда имы отъ піега»². Это напоминаетъ о дѣтской игрѣ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «ліій, ліій, дожчику! наварю тобі борщюку!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ³. Что возношенія яствами были въ обычаѣ и у язычниковъ Чеховъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «krmie bohem—сказано такъ — лавадись «w sumtku», и послѣ битвы надобно было «dat rokrm bohomow»⁴. У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разные яства, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Оттона Бамбергскаго, происходили ежедневно⁵. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ праздника Свитовида, рассказываетъ, что «жрецъ выливалъ вино изъ рога, который держалъ идола, къ ногамъ его въ возліяніе ему, и, наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почитать идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому же возношенію принадлежалъ и широгъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руинъ, видятъ ли они его. Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы»⁶. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кишшей, пироговъ и, поставивши все это кучею на столѣ, затенивъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ семейства

¹ Восточная Опис. р. Рум. М. 229.

² Переводъ Григорія Наз. Библиогр. Листы. 88

³ Древ. Рус. Стихотворенія 226, 339.

⁴ Краледвор реч. IV, 41, 42. 234.

⁵ Андрей. 10.

⁶ Саксо грам. 824—825.

долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣтъ, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хпба-жь вы мене не бачите!»,—и на отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говоритъ имъ: «дай же боже, щобъ и на той рѣкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ ¹.

Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, нельзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были казаться, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Нельзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фоцланъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и иѣсны Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычникъ Славянинъ всякій день желалъ потреблять яства и питія освященныя.

Тотъ же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться вечнымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говоритъ иѣсны Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu pohrsiebat mirch i dat pokrm bohouom, i tamo ohom spasam dat mnostuie obieti, a iim hlasat milich slow i iim oruzie pobitih wrabow» ². О такомъ же возношеніи вражескаго оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ ³. Очень не

¹ К. Сементовскаго Замѣчанія. 36.

² Краледвор. ртсь VI. 250—253.

³ Сефридъ. 103.

мудрено, что много из этих познаний оставались собственностью храма; но это не изменило характера обряда: священныя оружія могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не къ другимъ, то воинамъ храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святовида и т. п.

Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ нельзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Проконій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, — что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая, что этою жертвою спасали себѣ жизнь¹. Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще². Почти въ такихъ же обихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзіана: «Овъ несжщимъ богомъ жьреть... овъ рѣкж богынкъ нарицаеть и звѣрь живжщъ въ нескіако бога нарицаа трѣбж творить. Овъ дню жьреть, а другыи днви... Овъ моущнъ скотъ твора оубиваетъ»³. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закланія жертвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, символомъ закланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стадъ на пастбище весною, сельяне, празнуя для пастуховъ ширь, приготавливаютъ къ нему широгъ въ видѣ овна, для того, чтобы онъ, какъ жертва богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берется у пастуховъ какъ лекарство для овецъ⁴. Ясно о жертвахъ закланія у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху бѣсомъ, оскверняху землю тебеами своими и оскверниа кровыи земля Руска и холмъ отъ⁵».

¹ Проконій. III, 14.

² Масуди. 221.

³ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁴ Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шаринской столицѣ, въ Венгріи.

⁵ Несторъ. 34. *Трѣба-потрѣба* (слово, известное и Вацсраду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если, впрочемъ, взять въ расчетъ Польшу. *trzebić* и Луж. *trjebić-wutrjebać* (кастрировать), то *трѣ-*

Упоминаетъ о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освятившись ученіемъ Христовымъ, «уже не жертвенныя крове вкушающе погибаетъ¹». Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаѣ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія². Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Порфирородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно ли ихъ ѣсть, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христолюбца: «и куры имъ рѣжутъ», и у Льва Діакона — о приношеніи въ жертву пѣтуховъ при обрядѣ погребенія³. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Рускіе закалали своимъ богамъ быковъ и овецъ и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за идолами⁴. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ, имѣли обычай—говорить Преторіи—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ копошень и хлѣбовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучить домовою, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домового надъ лошадью⁵. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку и, разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубили ихъ мечами и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ: наконецъ взяли пѣтуха и кури-

---

ба должна означать только жертву закланія. Фрейзинг. Отр. 2-й: *Oztanem zich mirzich del ese sunt dela sotonina, ese trebn tuorim, ese bratra oclvetam, etc* строка 20. У Люнебург. Славянъ словомъ *treba* (*trewa-triwe*) назывались Рождественскіе святки. *Геннингъ*, подъ слов. *Weihnacht*.

¹ *Иларіонъ* въ Прибавъ къ Твор. Св. Отцовъ Часть IV. 236.

² *Карамзинъ*. II. Г. Р. I. стр. 236.

³ *Константинъ Порфир.* 9. *Востоковъ*. ib. 228. *Левъ Діаконъ*. IX. 6.

⁴ *Ибнъ Фоцланъ*. 9.

⁵ *Преторій*, *Weltbeschreibung*. II. 162—163

цу, зарѣзали и бросили туда же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою — лѣса стоятъ дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поютъ пѣсни колѣдушки. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козелъ стоитъ... Хотятъ козла зарѣзати»². По свидѣтельству Дзугоша, были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносимы были овцы и быки, во время празднествъ, на которыя собирался народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнаютъ, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряютъ гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ ихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и разнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія определялъ празднества, посвященные богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. Но закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы понять божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесши по обычаю жертву, народъ начиналъ пиршество»⁵. Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго празднества Святovidова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Руалны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиршество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда⁶. Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святovidу упоминаетъ и Гельмольдъ⁷. У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесеніа

¹ Ибн. Фоцланъ. 11—29.

² Снечуревъ ib. II. 69.

³ Дзюшоу. V. 9.

⁴ Титмаръ. VI. 17.

⁵ Гельмольдъ, 1, 56. Сравни Анонима Chron Slav XVIII Lindenbrag. Scriptores. 211.

⁶ Саксо грам. 824.

⁷ Гельмольдъ. II 12.

нія жертвъ закланія; впрочемъ, свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть. «Чехи—иногда они—преданные глумимъ суевѣріямъ, болѣе неудачи въ войнѣ, обратились къ колдунѣ и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья, объята пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»¹. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва ли это не ошибка.—

Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносились были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивить боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтò должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ее иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пируествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ обрядомъ должна быть освящена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя, употребляемыя въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животнаго можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалалось, а задушалось, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ,

¹ Козьма Пражск. I, 97.

изъ чего нибудь сдѣланнымъ, или же самый обрядъ закланія замѣнять приношеніемъ въ жертву головы животнаго. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ,¹ видно, что жертвы приноситься могли и злomu богу, чelовѣку враждебному, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двойной характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были очень обычны у Славянъ сѣверозападныхъ и восточныхъ, это показывается остатками, находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ негла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное, приведемъ здѣсь то, что находится въ пѣсни Кракедворской рукописи «о великомъ пораженіи». Честмиръ, отправляясь на войну «pode wsie druza wzlozie obieti bohom». Воимиръ, одержавши побѣду, chtiese obiet wzdati bohom w siem ze miestie, w siem ze krocie slunce»; но отложилъ по совѣту Честмира и возопилъ къ богамъ: «Ne ziarste sie, bozi, suemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slunci». Честмиръ совѣтовалъ ему тогда: «Dluzna obiet bohom, uece Cestmir; a ninie nam na wrahi pospieti; ninie wsedni ti na rucie konie, proletni lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam s cesti skala bogom zmilena, na icie wrh obietui bohom, bohom suim spasam, za wicestuie w zadech, za uicestuie w prsiedie. Neze sie poznaie, ze slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze slunce postupi wterim krokem i krokem trsietiem nad wrsini lesne, doidu voi tamo, kdie obiet tuoie pouiecie w slupech dimu: pokorsi sie wsie woiska, tudi iduce.» И Воимиръ перелетѣлъ черезъ лѣса въ дубраву, «na wrsie skali zanieti obiet bohom suim spasam za nicestuae wzadech, za uicestuie wprsedie, im obietoua kraicu boinu». Любопытно тутъ описаніе самого обряда сожженія жертвы: «Plapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu. Uoi ozupcieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida kol obieti, bohom slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase, i kehdi dochazese posleda uoiw, wskoci Voimir na suoi ruci komon»¹. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то

¹ Кракедвор. рпись IV, 22, 123—124, 135—136, 143—152, 155—157, 164—170. Въ Чеш. жертва называется obět (Вицерадь. 219. Юдмае. 11.

можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жертвахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти жертвоприношенія были общенародныя, и что, наконецъ, они были совершаемы великолѣпно, но не жрецами, если только князья не имѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы были въ обычаяхъ и у другихъ Славянъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна» видимо происходящія отъ «жрѣти» — сожигать¹. Жертвы сожженія сопровождали иногда погребальнѣй обрядъ. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженія коней вмѣстѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; по то, что рассказываетъ Ибизъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвымъ уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы и еще одной курицы, у которой оторвали прежде голову, едва ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и нельзя понять значеніе и цѣль обряда².

Было у Славянъ въ обычаяхъ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаяхъ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожажу сыны своя и дщери—говорить Несторъ — и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровими землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закаляли и людей; иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не называлъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ лавѣ: «Иде Володимеръ на Итвяги, и побѣди Итвяги, взя землю ихъ, и иде Кіеву, и творяще потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребни на отрока и дѣвицу, на кого же падеть, того зарѣжемъ

761), какъ что обѣщавше: о жертвахъ по обѣщанію упоминають многіе современники.

¹ Они употребительны у многихъ Славянъ *жертва* (жрѣтва) почти у всѣхъ югозападныхъ (извѣстно было и *Вацераду*. 231); *жаризна*— у Поляковъ (*żaruzna*) и Словаковъ. Сравни *жаровище* (по *Вацераду* — *riga, rogum*. 230). *Жрѣти* одного корня съ *горѣти*, по обычному смягченію *г* въ *ж* (гопть-жить; горло жерло. горы жары (Словац.), *galbus* (Лат.), *gelb* (Нѣм.)—желтый; *glands, glandis* (Лат.)—желудь; *galle* (Нѣм.)—желчь; *ganne* (Лит.)—жена и пр.

² *Ибизъ Фоцланъ*. 15-17.

богомъ. Блше Варягъ единъ—держаше вѣру хрестьянську, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душою, на сего паде жребин... Рѣша пришедше посланни къ нему, яко паде жребіи на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо... не дамъ сына своего бѣсомъ. Они же шедше повѣдаша людемъ; они же взявше оружье, поидоша навъ, и розыша дворъ около его; онъ же стояше на сѣнхъ съ сыномъ своимъ... И посѣкоша скии подъ нима, и такъ побяна я»¹. Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не заколаемъ бѣсомъ другъ друга»². Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились—по его словамъ—люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ³. Объ обычаяхъ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали угнать гнѣвъ боговъ⁴. То же говоритъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили христіанъ въ надеждѣ, что такими возпошеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святovidу приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁵. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы рассказываютъ и нѣсколько случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ взѣстъ со многими другими и пресвитеромъ Энниономъ; такъ и епископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ палками, потомъ возимъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отренивъ отъ Христіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту, какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ разоренія Мельдорна⁶.—Изъ всего этого видимъ, что въ жертву

¹ Шесторъ, 35

² Иларіонъ. ib 233

³ Длугошь. V, 9.

⁴ Титмаръ, VI, 17.

⁵ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Лютичи Chr. slav. ib 211

⁶ Гельмольдъ. I 23. II, 12. Адамъ Брем. IV, 12. 167. Справъ Гельмольдъ, I 23. Петерсенъ De Dansker toge til Venden. II 3. въ Annaler for Nordisk oldkyndighed Kjöbenhavn 1838 II Ср. Гельмольдъ I. 16.

приносили такихъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ, — что, впрочемъ, жребіи большею частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношей и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединиться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима была иногда только голова человѣка ¹. Замѣтимъ, еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ и украшали религіозныя торжества послѣ войны или битвы. На это нельзя не обратить вниманія: смерть человѣка одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другого человѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человѣка умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другого обычая долженъ быть одинъ и тотъ же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго, — столько же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ болѣзнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилишить очищеніемъ, и это очищеніе вѣра ихъ находила въ погибели животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія рассказываетъ Левъ Діаконовъ: «Какъ скоро наступила почь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщннъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и шѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили» ². Если можно повѣрять, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя, то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фоцланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ — то его родные сирашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подалъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отступиться. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на

¹ *Bernhardi*, Bausteine zur slaw. Myth. II, Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² *Левъ Діаконовъ*. IX. 6

вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ человѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна мимо ихъ. На лодку ставили пары, для того, чтобы на нихъ одѣвать мертваго. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ ветвами и пвтіями. За тѣмъ слѣдовало приношеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщвляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался, — и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всѣмъ, что было въ ладьѣ, сгорала! ¹ И всегда у Славянъ погребальнѣйшій обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы ². Для погибавшаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открывалъ себѣ дорогу въ рай; такая же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминковъ по душѣ покойнаго, веселыя пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карнатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для язычниковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени приношеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, наир. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безпирравственный. Нельзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безпирравственнаго обычая, который бы не оправдывался въ немъ причиною, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все-таки правдивной, согласной съ правилами народной правдивности.

¹ Пѣниъ Фодданъ. II 21

Маврикій XI. 5. Титмаръ. III. 2 Масюи. 317 и пр.

IV.

Гаданія составляли стольже необходимою принадлежность богослуженія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣнiе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинанiи зналъ впередъ, можетъ ли не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданiи основывались на вѣрованiи, что божества ~~и~~ безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Множество преданiй дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданiяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстные роды гаданiи принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться безпрерывно, даже и послѣ паденiя язычества, хотъ и совершенно въ его духѣ; религiя же освящала очень немногiе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадаю о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень не сложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе завнѣмъ въ своемъ объясненiи отъ воли объяснявшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребiю¹. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрiи. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребiю рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Ретрекомъ.

¹ Слово *Жриби* (жеребей, ждрижеби, ждриб и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удрѣла, и т. п. Сравни. *Шилкевича*. Корнесловъ. I.

² *Добръвскаго* Грамм. Слав. I. 167.

Жрецы сидѣли и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерномъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвушекъ, называемую «ланки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи ланки; потомъ ищутъ этихъ ланокъ,—кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руяне гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сиди у очага и чертя безъ счету по пенду случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же нечетъ, то бѣду². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинянъ, какъ знаемъ изъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго: они гадали по деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено³. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest srbu polozichu, i iu na duie polie rozcepichu, pruci pole Kublai imie wzdiechu, vterej polie krali imie wzdiechu, vetchimi slovesi nad sim wzpiechu. Pocihu trsti spolu voicuat, i trest kublaieua swicezise*⁴. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохраняясь вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что зола есть символъ зла⁵. Къ этого же рода гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чашѣ или рогу: объ отгадываньи урожая на слѣдующій годъ по убыли и неубыли вина въ рогѣ Свитовида рассказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ кончинахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ⁶. Подобнаго рода были гаданья водою на рѣшетѣ, въ чашѣ и проч: они сохранились у Русскихъ и были въ старое время у Поляковъ⁷. Былъ такого

¹ *Титмаръ*. VI, 17.

² *Саксо грам.* 827—828.

³ *Сефридъ*. 108

⁴ *Краледвор. пѣсь* III. 54—60.

⁵ *Сахаровъ*. ib II. 14.

⁶ *Саксо грам.* 824. *Сефридъ*. 105.

⁷ *Сахаровъ*. II. 65, 68, 69. *Вишневакн. Hist Lit Pol* I, 274—275.

рода религіозныхъ гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Проконій,—и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе вмѣстѣ съ уваженіемъ, какое питають кудесники къ печени, къ дыму, къ куреньямъ¹.—Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья копами. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ:—«Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣнною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ бы вдохновеннаго коня, о томъ же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный пародъ совершенно оставлялъ свое предпріятіе»². Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святовида, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками конья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Жрецъ, совершивши торжественное молніе, велъ къ ппмъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ черезъ конья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою, прежде нежели правою, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равно и морекой походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача»³. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ:—«Если Штетиняне замыслили сухопутный походъ противъ непріятелей или какой наѣздъ, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ:—клали на земь девять копій на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежащія конья три раза взадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая копій, то это почиталось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начи-

¹ Проконій. III, 14. Сахаровъ. II, 10, 13

² Титмаръ. VI, 17. Вышеку изъ Chronica August. см. у Гримма Deut. Mith. II 628.

³ Саксо грам. 826—827.

пасмъ; если же конь трогаетъ конья ногою, то походъ былъ отлагасмъ»¹. Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычаи и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычай гаданья конемъ; есть, напротивъ, слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морошкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычаяхъ гаданья конемъ во время святочныхъ гаданій². Русскія дѣвушки, гадаю о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь,—и если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или за жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; если же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смиренный, и житье счастливое. Сажаютъ также на лошадь, и, завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня³. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію былъ, вѣроятно, и многіи другія, судя потому, что въ суевѣріяхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавать не по какому нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они, впрочемъ, были въ употребленіи у Славянъ: Это видно уже изъ того, что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ приносилъ жертву, шилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу⁴: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если

¹ *Сефридъ*. 107.

² *Морошкинъ* въ переводѣ *Рейца*, Истор. Рос. Закон. 1836. 352. *Сахаровъ*. II, 67. *Снегиревъ*, Рус. празд. II; 43 и 49. Сравни. слова *жртбни* и *жртбницъ*, (сл. *Jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 390.)

³ «О книгахъ истин. и лож.» у *Калайдовича*, Іоаннъ Экв. Болг. 211.

⁴ *Гельмольдъ*, I, 52. Сравни. у *Иларіона* «жертвенныи кровю вкушающе погибасмъ». ib. 236.

только и это знаніе не было общимъ для всего народа, — или участіе при совершеніи обряда для большіей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь, напротивъ, нуждался въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно или не поняты совсѣмъ, слѣдовательно не по жребію. Кроме этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славенъ настройками, сдѣланными въ его куполѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ поставленными, знаками тамъ начертанными и обозначавшими тамъ будущее, происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились¹. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (плапидамъ) глядятъ», — и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу: — «Призва Ольгъ волхвы свои и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша смерть твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»² Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говоритъ и Козьма Пражскій: такъ говоритъ онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была правительницей; она предсказала и будущее величіе Праги; такъ онъ говоритъ и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятеля, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ³. Нельзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческое имѣло чисто религіозный смыслъ, какъ знаемъ изъ хроники Прокоша, который, упоминая о немъ, прибавляетъ, что, по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива⁴. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ

¹ Масуди. 320.

² Повтор. Лвт. М. 1781. 9.

³ Козьма Праж. II, 20, 27

⁴ Прокошъ 113

обрядѣ; по изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, казаться натянутымъ. Для того же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неизмѣнимъ свидѣтельство современныхъ, обратить вниманіе на приемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свѣдѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, нельзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ они употреблялись, что ими рѣшалось. Разматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданья рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрсакаго и Святовѣда Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считались зависящими и народъ и князья¹. Понятіе о важности гаданія и гадателей осталось понинѣ. Помощію гаданія узнають виноватаго. Послѣднимъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ,—и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколы Голстунскаго². О выборѣ невесты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни вриже Всеславъ жребіи о дѣвицю себѣ любу»³. Выборъ людей во что выбуду по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ⁴. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁵. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10

³ Рус. Достопамят. III. 186.

⁴ Снегиревъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацѣевскій, Hist. prawodawstwa Słow. II. 179—187. Снегиревъ, ib. III. 213—216

жребіи пмѣлъ релігіозное значеніе, видно не равнодушнѣ къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутныя и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гадацья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфироднаго, Титмара, Нестора и Гельмольда¹.

V.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратитъ вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войти въ предъидущее изслѣдованіе,— между прочимъ на пиры и игры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ². Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умилостивлять боговъ, напр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертвца и т. д. Впрочемъ, хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были релігіозныя празднества,— и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

¹ Гельмольдъ. I, 53. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфир. 9. Несторъ. 35.

² Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. II, 11.

Такія празднества должны были быть совершаемы въ определенное время, повторяясь въ тѣ же дни, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ въ определенное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ маѣ, праздникъ Святонида Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр¹. Очень немудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ празднества жрецъ—говоритъ Гельмольдъ—возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія². Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самого обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гадаемъ не рѣдко опредѣляли, что приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ определенное время, и что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлить день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшись въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу,—не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошъ³. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, что должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались въ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ,—и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ, возношеніями, проричаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Дитмару, Гельмольду и Саксону грамматикю. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; не могу, однако, не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ

¹ Гизебрехтъ, ib. I. 85.

² Гельмольдъ I, 53.

³ Несторъ. 34—39. Гельмольдъ. I, 53. Длугошъ V, 9

Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе, что изъ прежнихъ статьяxъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святovidу совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ храмомъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный пиръ. Жрецъ, за день предъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣшникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ бралъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что паитка въ немъ убыло, то предсказывалъ безплодный годъ, а если паитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ идола, въ возмѣненіе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ и, почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣды. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ и, наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію слѣдующей жертвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая, какъ вѣрную награду за богопочтаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. Но совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пирушеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считалъ объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ»¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычникомъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святovidу Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобныя, съ

¹ Саксо грам. 824—825

такимъ же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія ¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго ². Они совершались у самого святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмины, въ которыхъ пировали люди болѣе знатныя. Такое назначеніе имѣли три континвы, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи и пр ³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготовляемы были и собираемы другія яства. Обычай собранія яствъ въ общенародные языческіе праздники уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, шедрованьи, и т п ⁴. Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксопа грамматика, замѣтившаго, что пиръ, бывавшій во время осенняго торжества Арконскаго, совершался «именемъ вѣры». По этому-то на нихъ поминали боговъ, или за здравіе кубки о славѣ божіей, о помощи боговъ спасителейъ противъ бога зла, о будущемъ счастіи народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа ⁵. Такъ же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого пиръ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашю и тако шют о долѣхъ своихъ ⁶». Обычай пить, какъ выражаются Сербы, «здравницы» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе ⁷.—Къ празднованію пировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ воспоминають Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе ⁸.

¹ Гельмольдъ I, 53, 84.

² Гельмольдъ. I, 52 Сефридъ 105.

³ Сефридъ. 105.

⁴ Когда собирають яства, ходя отъ дома къ дому.

⁵ Гельмольдъ I, 53.

⁶ Востокова Опис. р Рум. М. 228.

⁷ В. С. Караджичъ, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія Бернгарди, *jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 237

⁸ Востокова, ib. 229.

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ переряживаніи, разныхъ представленійхъ, бояхъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ важнѣйшіи свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненія показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища. ¹» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ же Несторъ: дьяволъ льститъ превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслими и русальи: видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви ²». Христомлюбець въ своемъ словѣ увѣщеваетъ, что «не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гульба, пѣсни бѣсовскыя и жертва пдольская» ³. О тѣхъ же игрищахъ упоминаетъ Кирилль Митрополитъ въ правилахъ: «накы же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ Ёллинъ въ божественныя праздники позоры пѣкыи бѣсовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе пѣкыи скарѣдныя плянцѣ и бьющися дреколѣемъ до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ порты» ⁴. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣловаіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити» ⁵. Но языческіе обычай этимъ не кончились: они вездѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи къ намѣстнику Нековскому, при описаніи Купальскаго праздника, говоритъ и объ игрищахъ: «Егда не весь градъ возмѣтется и въ селѣхъ возбѣется въ бубны и соубыи, и гуденіемъ струннымъ, и всякими непоподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ неприазненъ кличь,

¹ Несторъ. 6.

² Несторъ. 73.

³ Востоковъ. ів. 228.

⁴ Рус. Достовам. I. 114.

⁵ *Арцыбышева*, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зильской долигѣ, въ Кариніи, сохраняется отчасти до сихъ поръ страннѣйшій обычай бити бочки, какъ принадлежность храмоваго праздника.

въ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ выхляпие и погамъ ихъ скаканіе и топтаніе»¹. Объ обычаяхъ религиозныхъ игрницъ у Славянъ Польскихъ упоминаетъ Длугошь: «Въ честь боговъ—говорить онъ—введены игры въ опредѣленное время года. На нихъ толпы обоюго пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлосаньемъ и разными движеніями. И хоть вотъ уже пятьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторыя изъ этихъ игоръ остались въ обычаяхъ²». Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религиозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда³. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ въ своемъ путешествіи близъ Пирница встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣнями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, пзумившимъ путниковъ. Тамъ же находимъ упоминаніе о праздествѣ Юлинекомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества и т. п.⁴. О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радовацками», упоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁵.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаяхъ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослужебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда познпваемы были души павшихъ въ боѣ. Онъ являлся на вѣрованіи въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ такъ-же весело и разнообразно, какъ и всякое другое религиозное празднество. Юриандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы,

¹ Карамзинъ II. Г. Р. VII. стр. 372

² Длугошь. V, 9.

³ Гельмольдъ I, 52.

⁴ Сефридъ 60. Вертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommeren I, 566. II. 33

⁵ Козьма Пражскій. 21.

рыцари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ цркъ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пиръ, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страда» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Теофилактъ, описывая впаденіе Ирвска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ началъ на князя Мусокія въ рас-
 плохъ, въ то время, когда князь этотъ, празднуя помини по
 своемъ братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³.
 О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ упоминаетъ Несторъ, говоря
 между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своемъ Малѣ,
 Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ поминоченія усоп-
 шихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ да еще у Ваце-
 рада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова
 былъ другой; «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнице»—
 мѣсто боя, а «тризникъ»—подвижникъ; «тризнити» въ Чеш-
 скомъ значить бить, а «тризновати» не только бить, но и па-
 смѣхаться; въ Словацкомъ «трузинитися-тризнитися»—веселить-
 ся, играть⁵. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить,
 что въ старину тризной называлось празднество, соединенное
 съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно срав-
 нить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад), назва-
 ніе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ
 мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ памогильной⁶, но и въ
 играхъ⁷. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на
 могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ⁸.
 У Поляковъ погребальный и поминальный пиръ называется «stupa»
 (сред. Лат. stips): онъ соединяется также съ пѣснями и играми.
 Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ
 замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwią
 oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym dru-

¹ *Йорнандъ*, De Getharum origine et rebus gestis. 49.

² *Линде*, Słownik. III. 431—432.

³ *Теофилактъ у Стриттера* Mem. por. II, 61.

⁴ *Добровскій*, Грам. Слов. I, 138. *Вацерадъ*. 228.

⁵ *Несторъ*. 6, 24, 29. тризна-тризно. *Юнманъ*, Słownik IV. 664.

⁶ *Сисиревъ*, Рус. праздники. III, 47—54.

⁷ *Голембѣвскій*, Lud polski 269.

giego zabitego do nieba; aby oznajmil co za ludzie na stypie byli»¹. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говорятъ Козьма Пражскій—совершались на перекресткахъ, какъ бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ переряживались и всячески бѣснлись². У Хорутанъ до недавняго времени сохранялся обычай пировать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.³.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ, и общихъ, и совершавшихся по какому нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то же вѣрованіе въ благость боговъ, ту же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

---

¹ *Линде*. V. 456.

² *Козьма Пражскій* 197.

³ *Вильмазоргъ*, Die Ehre II. Kraia. Laibach 1689 II 297--304.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ переченьъ главныхъ положеній, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современные и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что все они, къ какимъ бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противорѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одинъ другого взаимно. Изъ этого можно заключить, что главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ же. Не мудроно, что были и мѣстныя особенности, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главныя черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительные догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощью догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь извѣстны, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными мѣтами, правилами нравственности, званіями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мифологіи Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому, что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться нельзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святилищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и — храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ, храмы — исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, пося по роду своихъ занятій различныя названія и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Нельзя сомнѣваться, что современемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни семейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ — славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жертвоприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ. обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ молитвы, жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителеми обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шепотомъ, а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первыми соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества, со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ хрѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли, и по содержанию, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощію яребія и объясненія божественныхъ прорицаній замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые по-

священны были въ тайну проицапія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначипаніяхъ, частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляють предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ ихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ ихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ; изъ того же, что до сихъ поръ знаетъ о нихъ изъ повѣртіи народныхъ, трудно рѣшить, какія они были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пищество, сопровождаемое разнаго рода играми—пляской, пѣснями, борьбой и пр.

VI. Были особенные дни, посвященныя богослужебнымъ торжествамъ, ежегодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.